

Электронная версия книги: [Янко Слава](#) (Библиотека [Fort/Da](#)) || slavaaaa@yandex.ru ||
yanko_slava@yahoo.com || <http://yanko.lib.ru> || Isq# 75088656 || Библиотека: <http://yanko.lib.ru/gum.html> ||
Номера страниц - вверху
[update 08.03.08](#)

ЛЕКЦИЯ ВЛАДИСЛАВА СУРКОВА
**РУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ
КУЛЬТУРА. ВЗГЛЯД ИЗ УТОПИИ**
МАТЕРИАЛЫ ОБСУЖДЕНИЯ
В «НЕЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТЕ»
ПОД РЕДАКЦИЕЙ КОНСТАНТИНА РЕМЧУКОВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА
2007

УДК 32-027.21

ББК 66.0

С-90

Русская политическая культура. Взгляд из утопии.

Лекция Владислава Суркова. Материалы обсуждения в «Независимой газете». - М.: Издательство Независимая Газета., 2007. - 96 с.

ISBN 978-5-86712-170-9

Под редакцией Константина Ремчукова Литературный редактор Алла Хемлин Дизайн Юлия Миронова Верстка Вадим Сайдин

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049. Ярославль, ул. Свободы, 97

Заказ №0729890 Тираж 10000 экз.

УДК 32-027.21

ББК 66.0

ISBN 978-5-86712-170-9

© Издательство

Независимая Газета. 2007

Электронное оглавление

Электронное оглавление.....	3
ОГЛАВЛЕНИЕ	5
ВЛАДИСЛАВ СУРКОВ. РУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА. ВЗГЛЯД ИЗ УТОПИИ	6
КОНСТАНТИН РЕМЧУКОВ. АПОЛОГИЯ СУЩЕГО	12
ДОСТОИНСТВА.....	13
НЕДОСТАТКИ.....	13
ГЕОРГИЙ БОВТ. ВЛАДИСЛАВ СУРКОВ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛИЗМ	14
ВЕРТИКАЛЬ - ДВИГАТЕЛЬ ПРОГРЕССА?.....	15
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПУТЬ К БУДУЩЕМУ.....	16
СЕРГЕЙ СТЕПАШИН. НУЖНО ЛИ СКЛЕИВАТЬ РЕТОРТУ?	18
ЭПИТЕТЫ УМЕСТНЫ	18
СТЕРИЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ?.....	18
АУ, ОППОЗИЦИЯ!.....	19
СФОРМИРОВАТЬ БЫ ГРАЖДАНИНА	19
ОПЕРАЦИЯ «ПРЕЕМНИК».....	20
МИХАИЛ БАРЩЕВСКИЙ. ЦИВИЛИЗАЦИЯ СУВЕРЕННОЙ НЕ БЫВАЕТ	20
БОГАТЫЕ И БЕДНЫЕ.....	20
РОЖДЕНИЕ АВТОРИТАРИЗМА.....	21
НЕИЗБЕЖЕН ЛИ ХАОС?	21
ПРО КАРТОШКУ	22
АНАТОЛИЙ СТРЕЛЯНЫЙ. ПЛАВАЮЩИЕ ДИСКУРСЫ	22
ГЛАВНЫЙ ЗАПРЕТ.....	22
ЧТО ПОНЯТНО ДУРАКУ	23
В ШКОЛЕ УЧАТ.....	23
И ХВАТИЛО	24
БЕЗ ВСЯЧИНКИ.....	24
ВЛАДИМИР ЖИРИНОВСКИЙ. СТРАНА ЖИВЕТ ПО ПОНЯТИЯМ И ЭТО НЕ ВСЕГДА ПЛОХО: СМОТРЯ КАКИЕ ПОНЯТИЯ	24
СУВЕРЕННАЯ - ЗНАЧИТ НЕЗАВИСИМАЯ.....	24
РОССИЯ - СТРАНА КРАЙНОСТЕЙ.....	25
ПАРТИИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ КАК ЛАЦКАНЫ ОДНОГО ПИДЖАКА	25
О РУССКОМ ИДЕАЛИЗМЕ.....	26
РУССКИЙ КОЛЛЕКТИВИЗМ - МИФ.....	26
АЛЕКСЕЙ МАЛАШЕНКО. ОТ СУСЛОВА ДО СУРКОВА	27
СУРКИЗМ.....	27
СУРКОВЩИНА	28
ГРЯДЕТ ЛИ ОХОТА НА СУРКОВ?.....	28
ДМИТРИЙ ОРЛОВ. НОВЫЙ РУССКИЙ ВЕК И СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ	29
СВОЙ ПУТЬ И СИЛА КУЛЬТУР	29
ОТ ТРАГЕДИИ К ФАРСУ	29
РАМКИ ДЛЯ КОНСЕНСУСА.....	30
НИКИТА БЕЛЫХ. ИДЕОЛОГИЯ СУВЕРЕННОЙ БЮРОКРАТИИ	31
«ТЫ НЕ ПОЙ, ТЫ ПРОСТО ХОДИ!»	31
ЧТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ЭТО БЫЛО?.....	31
РАЗНАЯ РОССИЯ	32
СВЕРХЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ - ЭТО НАШЕ ПРОШЛОЕ.....	32
БОРИС ГРЫЗЛОВ. ДВЕ ПАРТИИ В ОДНОЙ	33
АНДРЕЙ БОГДАНОВ. ВРЕМЯ СДЕЛАТЬ ВЫБОР	36
БЕГ ПО КРУГУ	36
УПРОЩЕНИЕ СЛОЖНОГО	37
ТАК БЫЛО - ТАК БУДЕТ?.....	37
ЕВГЕНИЙ ПРИМАКОВ. ЧЕМ СОЗДАЕТСЯ ДЕМОКРАТИЯ	38
РОССИЙСКИЙ ТИП ДЕМОКРАТИИ.....	38
О ПОНЯТИИ СУВЕРЕННОСТИ	39

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНА ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ..... 39

ОГЛАВЛЕНИЕ

3	
04	О ПОЛЬЗЕ ОБСУЖДЕНИЯ ВАЖНЫХ ПРОБЛЕМ НАШЕЙ ЖИЗНИ КОНСТАНТИН РЕМЧУКОВ
06	РУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА. ВЗГЛЯД ИЗ УТОПИИ ВЛАДИСЛАВ СУРКОВ
22	АПОЛОГИЯ СУЩЕГО КОНСТАНТИН РЕМЧУКОВ
28	ВЛАДИСЛАВ СУРКОВ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛИЗМ ГЕОРГИЙ БОВТ
36	НУЖНО ЛИ СКЛЕИВАТЬ РЕТОРТУ? СЕРГЕЙ СТЕПАШИН
42	ЦИВИЛИЗАЦИЯ СУВЕРЕННОЙ НЕ БЫВАЕТ МИХАИЛ БАРЩЕВСКИЙ
48	ПЛАВАЮЩИЕ ДИСКУРСЫ АНАТОЛИЙ СТРЕЛЯНЫЙ
54	СТРАНА ЖИВЕТ ПО ПОНЯТИЯМ И ЭТО НЕ ВСЕГДА ПЛОХО: СМОТЯ КАКИЕ ПОНЯТИЯ ВЛАДИМИР ЖИРИНОВСКИЙ
61	ОТ СУСЛОВА ДО СУРКОВА АЛЕКСЕЙ МАЛАШЕНКО
66	НОВЫЙ РУССКИЙ ВЕК И СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ ДМИТРИЙ ОРЛОВ
71	ИДЕОЛОГИЯ СУВЕРЕННОЙ БЮРОКРАТИИ НИКИТА БЕЛЫХ
78	ДВЕ ПАРТИИ В ОДНОЙ БОРИС ГРЫЗЛОВ
86	ВРЕМЯ СДЕЛАТЬ ВЫБОР АНДРЕЙ БОГДАНОВ
91	ЧЕМ СОЗДАЕТСЯ ДЕМОКРАТИЯ ЕВГЕНИЙ ПРИМАКОВ

6

ВЛАДИСЛАВ СУРКОВ. РУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА. ВЗГЛЯД ИЗ УТОПИИ

Во-первых, хотел бы сразу предупредить, чтобы слово «лекция» и то, что мы находимся в Академии наук, не ввело вас в заблуждение. Мой рассказ будет носить ненаучный характер, а может быть, местами даже антинаучный. Хотя я очень уважаю науку и считаю ее, это прозвучит в моем рассказе, очень важной отраслью для дальнейшего развития России. Я также извиняюсь, что видимо не смогу обойтись без некоторых слов, которые мне как чиновнику, может быть, и произносить не пристало. Таких как «холизм», «архетип» и прочее в этом роде. Но, сами знаете, говоря о культуре, трудно держаться в рамках. Итак, давайте поговорим.

Тем из нас, кто любопытен, повезло. Мы живем во времена громадных перемен и больших новостей. Двадцать лет как мы свидетели и участники тревожной и впечатляющей трансформации русского мира. Различия между тем, что было, что есть и что, как предполагается, будет, столь поразительны, что мы часто называем нашу страну новой Россией. Как если бы это был Новый Свет. Или новый дом.

Между тем, мы не за морем, место обитания не поменяли. А новое здание российской демократии строится на историческом фундаменте национальной государственности. Можно спорить об особенностях планировки и отделки. Кому-то по душе имперский стиль, кому-то - мещанский, есть любители футуристических экспериментов. Но как бы не поменялся дизайн нашего дома, главные его пропорции и отличительные черты предопределены, как мне кажется, фундаментальными

7

категориями и матричными структурами нашей истории, национального самосознания, культуры.

Новый демократический порядок происходит из европейской цивилизации. Но при этом из весьма специфической российской ее версии. Он жизнеспособен в той мере, в какой естественен, то есть национален. Если не отрицает русскую политическую культуру, а принадлежит ей и развивается не вопреки, а вместе с ней.

Демократия в нашей стране в чем-то «как у всех», а в чем-то своеобразна. Так же, как универсальны, похожи, но при этом и уникальны, своеобразны модели наиболее успешных демократий Америки, Европы и Азии.

Чтобы понять, как будет развиваться демократия в России, какая ее модификация применима здесь на практике, нужно определить архетипические, неотменяемые свойства русской политической культуры. Политическая же культура - это одно из проявлений культуры как таковой, в широком и высоком смысле. Стереотипы современной политики воспроизводятся с уникальной матрицы национального образа жизни, характера, мировоззрения.

Попробуем уяснить, какова эта матрица. Какой форме сознания соответствует? Какой способ узнавания и преобразования мира задает? Короче, что есть русская культура?

Ответов может быть множество, но я не решусь дать ни одного от себя. Приведу удивительное по краткости и глубине определение Ивана Ильина: «Русская культура есть созерцание целого». Что-то похожее находим и у Бердяева: «Русские призваны дать... философию цельного духа... Если возможна в России великая и самобытная культура, то лишь культура религиозно-синтетическая, а не аналитически-дифференцированная». О том же у Трубецкого: «Русским более свойственно познание мира религиозной интуицией как органического целого в отличие от Запада, где философы проникали в тайны мира, расчлняя его рассудком на составные части для анализа...». Иосиф Бродский писал о «русском хилиазме», предполагающем «идею перемены миропорядка в целом» и даже о «синтетической (точнее: не-аналитической) сущности русского языка».

То есть, мы видим, что русское культурное сознание описано как явно холистическое, интуитивное и - противопоставленное механистическому, редуccionистскому. Характерно, хотя и спорно, противопоставление русского типа мышления не просто редуccionистскому, а редуccionистскому именно как западному, то есть без геополитического подтекста.

По этой версии в нашей мыслительной и культурной практике синтез преобладает над анализом, идеализм над прагматизмом, образность над логикой, интуиция над рассудком, общее над частным. Что, понятно, не означает, будто у русских нет аналитических способностей,

8

а у народов западной Европы - интуиции. Еще как есть. Тут вопрос соотношения. Русского, скажем так, в большей степени интересует время, а чертеж будильника - в меньшей.

Итак, в основе нашей культуры - восприятие целого, а не манипулирование частностями; собрание, а не разделение. Воспользуемся этим предположением как аксиомой для определения параметров реальной политики.

На мой взгляд, названная фундаментальная данность наделяет российскую политическую практику как минимум тремя яркими особенностями.

Во-первых, это стремление к политической целостности через централизацию властных функций. Во-вторых, идеализация целей политической борьбы. В-третьих, персонификация политических институтов. Опять же, все эти вещи имеются и в других политических культурах, но в нашей несколько сверх средней меры.

Сильная центральная власть на протяжении веков собирала, скрепляла и развивала огромную страну, широко разместившуюся в пространстве и времени. Проводила все значимые реформы.

При этом холистическое мировосприятие позволяло русской культуре гибко взаимодействовать с культурами других российских народов. Интегрировать, не разрушая, все многообразие их обычаев, сохранять целостность пестрого общего мира.

В наши дни смещение власти к центру стабилизировало общество, создало условия для победы над терроризмом и поддержало экономический рост.

Не так уж важно, стала ли российская модель централизованного государства следствием «моноцентристского» архетипа национального бессознательного. Или сам этот архетип сложился под прессом исторических обстоятельств. В любом случае наличие могущественного властного центра и сегодня понимается

большинством как гарантия сохранения целостности России, и территориальной, и духовной, и всякой.

На практике: стягиванию российских земель к центру, в единое целое государство служит процедура наделения губернаторов полномочиями по представлению Президента. А также административный аппарат федеральных округов. И централистские тенденции межбюджетных отношений. Собираение разрозненных политически активных групп в крупные, общенационального калибра партии обеспечивается пропорциональной моделью парламентских выборов. Запрет создавать политпартии по региональному, либо религиозному, профессиональному признаку подчеркивает, что партии должны не только разделять избирателей по взглядам и убеждениям, но и объединять их вокруг общих ценностей. Избирателей - разделять, народ - соединять. Таким мог бы быть принцип российской многопартийности.

9

Президент, находясь в центре демократической системы, является гарантом демократической конституции и сбалансированности разделенных властей - исполнительной, представительной и судебной. Нарушение этого баланса, неосторожная и несвоевременная децентрализация всегда будут ослаблять российскую демократию. Порождать хаос и деградацию социальных институтов, структур демократической власти. Их будут в таких случаях подменять, как уже бывало, олигархические клики и вненациональные организации.

На практике: и понятие центра власти, и методы централизации, и способы сохранения целостности меняются во времени. Они становятся нелинейными, смягчаются, усложняются. Но в некоторых политических культурах роль центральной власти неизменно велика. Например, во Франции. А в США прямо культ института президента. Главу государства там часто называют самым могущественным человеком на планете. Попасть же на высшие государственные посты, не связав карьеру с одной из двух вечно правящих партий, образующих непробиваемую политическую дуополию федерального центра, просто невозможно. Свободное общество, кажется, заинтересовано в сильной и устойчивой центральной власти.

О персонификации политических институтов. Она очевидна. Говорят, в нашей стране личность вытесняет институты. Мне кажется, в нашей политической культуре личность и есть институт. Далеко не единственный, но важнейший.

Холистическое мировосприятие эмоционально. Оно требует буквального воплощения образов. Доктрины и программы, конечно, имеют значение. Но выражаются, прежде всего, через образ харизматической личности. И только потом с помощью букв и силлогизмов.

На практике: самые массовые политические партии едва различимы за персонами их лидеров. Мы говорим партия, подразумеваем имярек. Крупнейшая общественная организация в стране, «Единая Россия», считает своим лидером Президента, а свою программу называет «план Путина». Некоторые партии и представить нельзя без их вождей. Может быть, поэтому так редко эти вожди меняются. Зюганов и Явлинский возглавляют КПРФ и «Яблоко» более 14 лет, Жириновский ЛДПР - около 17.

Несколько слов о русском идеализме. Идеализм - главное, что до сих пор поднимало и, видимо, будет поднимать русский мир на новые орбиты развития. Если же идеальная цель теряется из виду, общественная деятельность замедляется и расстраивается.

Русскому взгляду свойственна романтическая, поэтическая, я бы сказал, дальнорочность. Что рядом - покосившийся забор, дурная дорога, сор в ближайшей подворотне - видится ему смутно. Зато светлая даль, миражи на горизонте известны в подробностях. Уделяя больше внимания желаемому, чем действительному, такой взгляд на вещи при-

10

водит к поискам единственной правды, высшей справедливости. Создает ощущение если не исключительности, то особенности, непохожести на соседей. Эта непохожесть и тяготит, и необыкновенно вдохновляет. Этот поиск своей, особенной правды, потребность жить своим умом заставляет действовать подчеркнуто самостоятельно. Вся история России от Ивана III - манифестация интеллектуальной независимости и государственного суверенитета.

Идеализму свойственно желание обращать в свою веру, мессианство. Третий Рим и Третий интернационал были мессианскими концепциями. Без сомнения, мессианство нам сейчас ни к чему, но миссия российской нации требует уточнения. Без утверждения роли России среди других стран (скромной или заметной - вопрос обсуждаемый), без понимания, кто мы и зачем мы здесь, национальная жизнь будет неполноценной.

На практике: в мае этого года ФОМ провел социологический опрос, результаты которого показывают, что уровень общественного доверия к политическим институтам прямо определяется степенью их персонификации и близости к верховному центру.

Так, непосредственно самому этому центру, Президенту, в большей мере, чем прочим властям, доверяют 55% опрошенных.

Предпочитают рассчитывать на руководителя области, края, республики - 20%. И лишь 8% связывают свои надежды на лучшее с главой своего города, поселка.

У почти обезличенных судов положение поскромнее. При этом Верховному и Конституционному судам доверяют 10-11%, в пять раз больше, чем районным и областным с их 2%. Наименьшим доверием в сравнении с другими властями располагает представительная власть, образ которой размыт. Но и здесь Федеральное Собрание (4%) оказывается значительно популярнее местных парламентов (2%).

Выходит, чем выше и дальше власть, тем больше ей доверяют. На власть по соседству, близкую и доступную, наши люди особенно не надеются. Возможно оттого, что знают ее лучше, что она прозаична. Наоборот, власть высокая и далекая легко мифологизируется, идеализируется, персонифицируется и вписывается в моноцентрическую модель политического пространства.

Если централизация, персонификация и идеализация признаются нами в качестве трех особенностей политической культуры, давайте посмотрим, как нам, таким особенным, с этим всем жить.

В обыденном сознании слово «культура» ассоциируется с чем-то однозначно добрым и умным. Беседы о Рахманинове - это культурно. Современный курортный сервис - очень культурно. Вечер в опере - очень и очень. Однако, культура и цивилизация куда просторнее музейных залов и театральных буфетов. Системы принуждения, аппараты манипулирования, войны, хронические социальные патологии, пред-

11

рассудки, идиотские теории, разорительные авантюры - увы, тоже входят в комплект.

Для людей и их сообществ культура - это судьба. А судьба может складываться по-разному. И от нее, как известно, не уйдешь. Нужно использовать шансы и преимущества, которые она дает. Можно спорить с ней, влиять на нее, добиваться изменений. Но при этом нельзя игнорировать налагаемые ей запреты и ограничения. Культура проявляется и в том, что говорят, и в том, о чем говорить не принято. На каждом временном отрезке она создает и поощряет одни стереотипы поведения, разрушая и подавляя другие. Каким-то нашим устремлениям потворствует, каким-то - мешает. Те, кто понимает культуру как сферу игры, знают, что смысл любой игры - не только развлечение и обучение, но и испытание.

Вот и наша политическая культура не только дает обществу средства от стрессов и для решения проблем, но и сама может порождать стрессы и проблемы. Ее свойство, в том числе и отмеченные выше, не хорошие и не плохие. Они просто такие, какие есть. Полезными и вредными делаем их мы сами. Все - яд, и все - лекарство. Вопрос в дозе и уместности применения. Например, централизация может принести огромную пользу, о чем уже говорилось. А централизация чрезмерная, несвоевременная, не отвечающая необходимости - привести к деформации системы власти, ослаблению частной инициативы, а с ней и основ парламентаризма и самоуправления.

Минимальный, 2-4% рейтинг доверия к представительной власти, обнаруженный ФОМ, предсказан Гоголем полтора века назад: «Вообще, мы как-то не создались для представительных заседаний... Во всех наших собраниях... если в них нет одной главы, управляющей всем, присутствует препорядочная путаница. Трудно даже и сказать, почему это; видно уж народ такой, только и удаются те совещания, которые составляются для того, чтобы покутить или пообедать...».

Отсюда и избыточная персонификация коллегиальных структур. Сильные личности часто компенсируют слабую эффективность коллективов, дефицит взаимного доверия и самоорганизации. Ведь русский сверхколлективизм, по-моему, вымысел чистой воды.

На практике: если кто из вас пытался хоть раз уговорить соседей общими средствами установить в подъезде домофон, тот знает, как дорого дается минимальная коллективизация. А как у нас водят машины? Поперек дороги, по встречной, в пьяном виде, бессмысленно и беспощадно. Коллективист так не водит. Он уважает других членов коллектива.

Мне кажется, в нашем обществе преобладают индивидуалисты. А за коллектив время от времени люди прятались по необходимости - от власти, от ответственности, от принудительного труда.

Что до нашего идеализма, то без прагматического заземления, в неохлажденном виде он в повседневном применении ненадежен, а иногда и опасен.

12

Если вы рационально мыслите, то как бы разбираете мир на части. И потом собираете из этих частей что-то практически полезное, попутно изобретая недостающие детали. Так действует рационализм. Идеализм - иначе. Когда образ мира целостен и неделим, требуются вера, эмоции, интуиция. Если же вера исчезает и образ распадается, идеалист не тратит время на починку мира. Он сразу отказывается от этого мира целиком и тут же придумывает себе новый мир, такой же целостный, блистательный, статичный и неподвижный. И возникает очередная вера, новая страсть.

Когда-то мы должны были построить коммунизм. Думали, сейчас построим и потом делать ничего не будем. Но надо очень быстро построить коммунизм, чтобы поскорее ничего не делать. Ведь на средненародном уровне представляли коммунизм именно так: это место, где делать ничего не надо, и где все при этом есть. Точно так же о демократии сейчас говорят, часто слышу: надо построить демократию. И это предполагает какую-то конечность: вот теперь у нас демократия, она случилась, можно всем расслабиться и получать удовольствие. Это все равно что сказать: а вот теперь нам надо построить человека. Человек, он все время развивается, в худшую или в лучшую сторону, другой вопрос. Он не статичен, и нет ничего статичного. Но таково свойство идеалистического подхода к жизни - измышлять миры и пытаться их установить на земле.

Созерцательность наша, порой принимаемая за лень, ведет к тому, что нюансы, подробности, частности, нудные расчеты и механизмы реализации не анализируются. Будущее должно наступить одним махом и в полном объеме, а как его достичь - это детали, что голову забивать, все фигня по сравнению с мировой революцией, как выражались идеалистически настроенные головорезы.

Один мой знакомый говорит: «что нельзя сделать за две недели, нельзя сделать никогда». Очень наша мысль. Все, разом, здесь и сейчас. Две недели, пятьсот дней, коммунизм в 80-м году. А если не получится, идеалист злится и впадает в депрессию и цинизм разочарования. Реформы Петра, февральские грезы, большевистские мегапроекты, перестройка. А потом либеральные реформы, мечты о прекрасном Китеж-сити русского капитализма. Все второпях, в ослеплении идеей. В раздражении чрезвычайном от вязкой реальности. В отчаянной уверенности в близком конце света, гибели старого мира (монархии, буржуазной демократии, советской власти) с его скукой, насилием, бедностью, несправедливостью. В наивном уповании на прекрасную новую жизнь, где все станут полеживать на боку, на заслуженном (как же -страдали!) отдыхе. Предоставив труды и хлопоты всеильному учению, мировой революции, общечеловеческим ценностям, невидимой руке рынка и прочим разновидностям скатерти-самобранки. Такая вот эсхатология незатейливая.

13

Отсюда судороги и конвульсии больших скачков - способ передвижения малопривлекательный. Но и сегодня - одни обещают увеличить пенсии сразу вчетверо. Другие - зарплату впятеро. Третьи требуют еще побольше демократии, плохо разобравшись, что это такое. Придумав себе простенький образ и желая соответствия. И немедленно. Сделать это по-быстрому, отмучиться поскорей, чтобы опять впасть в созерцательное оцепенение.

Вообще, присущий нашей политической культуре примат целого, общего над частным, идеального над прагматическим, практическим приводил не однажды в нашей истории к пренебрежению такими «частностями» и «подробностями», как жизнь человека, его свобода, достоинство и права. А охранительные и патерналистские настроения, чрезмерно усиливаясь, подавляли активную общественную среду, приводя к дисфункции институтов развития.

Возможно, поэтому многим размахистым либералам сегодня кажется, что русская политическая культура - архаичный продукт невежества и отсталости. Что все без исключения наши политические привычки и обычаи

отягощают жизненный уклад и тормозят прогресс.

Даже докатившись до такой точки зрения, а до нее многие докатились, следует продолжить разговор. Следует ответить, является ли в таком случае русская политическая культура тем, что непременно нужно преодолеть и забыть?

Кажется, Руссо задним числом упрекал Петра Великого в том, что он пытался сделать русских голландцами или немцами вместо того, чтобы дать им быть русскими и развиваться в этом качестве. Известно, что Павел I хотел наделать из русских солдат пруссаков. Большевики перерабатывали сотню этносов в советскую общность. Перестройщики в невиданную расу общечеловеков. Реформаторы 90-х к словам «русский» и «национальный» относились настроенно.

Все эти деятели, великие и не очень, не смогли, как ни старались, преодолеть «национальное, слишком национальное». Хотя бы потому, что сами были частью России. Их реформы удавались лишь в той мере, в какой опознавались как свои, как приемлемые российской культурой. Все несовместимое с жизнью нашей культуры, задевающее ее фундамент всякий раз болезненно отторгалось.

Стоит ли пытаться еще? Стоит ли уподобляться герою Достоевского, который застрелился, решив, что в качестве русского и жить-то не стоит?

У каждого из нас и у нас вместе - множество вариантов будущего. Но это множество не бесконечно. Оно ограничено генетической формулой национальной культуры.

Безусловно, культура - живой организм, ее границы, ее внутреннее пространство и даже основы эластичны, подвижны и проницаемы. Но уникальное сочетание некоторых ее качеств неизменно, упорно

14

воспроизводится во всех масштабах и на всех уровнях общества, и во все времена.

Еще раз: культура - это судьба. Нам Бог велел быть русскими, россиянами. Так и будем, будем. Будем учитывать проблематику и будем использовать преимущества нашего национального характера и нашей политической культуры для создания конкурентоспособной экономики и жизнеспособной демократии.

Представим себе человека порывистого, увлекающегося, наделенного богатым воображением. Мы можем сказать о нем: непрактичен, непоследователен, ленив, непостоянен. Таких не берут в бухгалтеры. О том же самом человеке можно сказать: творческая личность, решителен в достижении важных целей, амбициозен, энергичен и самоотвержен. Годен для управления проектами, экспериментальной деятельности, творческой работы. Такой человек может стать плохим бухгалтером или хорошим режиссером. И в том, и в другом случае он должен работать над собой, развивать свой характер, даже вырабатывать новые его качества, а какие-то качества, допустим, сдерживать. Но это будет именно работа над собой, а не отказ от собственного я. Пусть он сам решает, кем быть. Но пусть при этом подумает, в какой работе его личные качества проявятся как достоинства, а в какой - как недостатки. Так же, выбирая пути развития нашей демократии и экономики, мы должны думать, на каком из этих путей особенности нашего национального характера и культуры покажут себя с наилучшей стороны.

Мы можем гордиться нашей политической культурой. Именно она предсказала и принесла России демократию. Она располагает достаточным потенциалом для выработки российской демократической модели. Для развития собственного, но при этом понятного для других политического лексикона. Для сообщения самим себе и внешнему миру образов и смыслов, без чего нация в историческом измерении не существует. И мы можем говорить о собственном опыте демократии своими словами. Потому что кто не говорит, тот слушает. А кто слушает, тот слушается.

К ворчанию и окрикам из-за границы по поводу наших внутренних дел следует относиться с пониманием: ворчащим и кричащим нужна такая демократия в нашей стране, чтобы им было лучше жить. А нам с вами такая, чтобы лучше жить было нам. Всему нашему народу. Чего и другим народам желаем.

Некоторые говорят, что в 90-е на Западе Россия считалась демократией. Это какой-то дефект памяти. Конечно, нашу слабость тогдашнюю и бестолочь поощряли. Но слабость и бестолочь - еще не демократия.

На практике: «Интернэшнл геральд трибьюн», 94 год - «режим [в России] не тяготеет к демократическому транзиту, предполагающему рыночную экономику и политическую демократию». «Вашингтон пост»

15

в 98 г. называет порядки в России «разваливающейся непредсказуемой автократией». «Вашингтон инквайр» тогда же - «недемократическим режимом». А «Форбс» годом позже «государством гангстеров».

Данилевский писал давным-давно, что заграничная публика Россию не знает, или «лучше сказать, знает так, как знать хочет, - то есть как соответствует ее предвзятым мнениям, страстям, гордости и презрению».

Рассказы о том, что нынешнее беспрецедентное давление на Россию вызвано недостатками нашей демократии - вздор, глупость. Гораздо умнее разглядеть за этими разговорами иные причины и цели - контроль над природными ресурсами России через ослабление ее государственных институтов, обороноспособности и самостоятельности. Но и это будет некоторым упрощением. Вот что пишет современный исследователь проблем идентичности Ивэр Нойманн: «... безотносительно к тому, какие социальные практики приобретали важность в тот или иной период (религиозные, телесные, интеллектуальные, социальные, военные, политические, экономические или какие-то иные [добавим от себя - демократические]), Россия неизменно рассматривается [Западом] как аномалия». И добавляет: «Поскольку исключение - это необходимая составляющая интеграции... возникает соблазн подчеркивать инаковость России ради интеграции европейского я». Все, что мы сейчас видим в реальной политике, все эти расширенные НАТО, средства ПРО, которые надо обязательно размещать, это, конечно, во многом сделано для консолидации западной и центральной Европы вокруг одного, кстати, внеевропейского центра. А для этого нужен миф о каком-то неблагонадежном элементе на окраине, о варварах, которые ходят вдоль границы и издали помахивают своими азиатскими кулаками.

Мне кажется, наши трудности с Западом - это трудности перевода, трудности общения однокоренных, но глубоко различных по духу европейских культур. Их причины сложнее просто экономических, просто военных, просто стилистических, просто политических.

Негативная информация о России всегда легче усваивалась в западной Европе, чем позитивная. Недоверие веками составляло почву отношений. За злободневными придирами, поучениями и причитаниями скрыты фундаментальные недоразумения, конфликт архетипов, культурный диссонанс. Давнее соседство и смутно

ощущаемое дальнейшее родство по религиозной линии только усиливают раздражение. Разногласия между близкими людьми, как известно, эмоционально насыщенной, чем между малознакомыми и безразличными друг другу.

Преодолимы ли культурные противоречия? Полностью - вряд ли, но сближение культур возможно и необходимо. Россия заинтересована в таком сближении, поскольку без доступа к интеллектуальным ресурсам Запада создание инновационной экономики кажется невоз-

16

можным. Сближение культур не означает их унификации и отрицания их многообразия. Кому нужен мир, в котором все люди, нации и демократии на одно лицо? Это была бы вещь потоскливее коммунизма.

Да, демократия в России несовершенна. А где совершенна? Да, много чего ей не хватает, и есть чему учиться у Запада. И модерности, и гуманности, и спонтанности.

Самоуправление у нас вяловатое. Вертикаль неказистая. Общество какое-то малогражданское. И вот еще коррупция какая-то неизящная у нас, типа «украл, выпил, в тюрьму». Простоватая, не такая утонченная, как в более продвинутых странах.

Даже если так, это наши проблемы. И никто их за нас не решит.

Выдающийся американский политический мыслитель Дж. Кеннан еще в 51 году писал: «Пути, которыми народы достигают достойного и просвещенного государственного строя, представляют собой глубочайшие и интимнейшие процессы национальной жизни. Иностранцам эти пути часто не понятны и иностранное вмешательство в эти процессы не может принести ничего, кроме вреда». Не все в Вашингтоне, кажется, читали Кеннана. А жаль.

Каждому народу его культура предоставляет уникальный код доступа к будущему. Ответы на вопросы, как пройти в новый век и как там быть, нужно искать в собственном культурном пространстве. А если что заимствовать извне, то идеи, а не штампы, живые мысли, а не дохлые схемы. То, что питает и обогащает нашу культуру, а не засоряет ее. Чтобы стало сладко, нужно съесть конфету, а не фантик. Чтобы лучше усвоить свободу, нужно извлечь суть и пользу из зарубежного опыта, а не жевать с трагическим лицом наемного правозащитника фантики и ценники импортной демократии.

За пределами собственной культуры будущего у России нет. Российская демократия не обноси с чужого плеча. Формирующая демократию воля к свободе и справедливости вырабатывается и закрепляется как природное свойство национального характера.

Хотел бы разбавить доклад небольшим рекламным объявлением: концепция суверенной демократии наилучшим образом соответствует основам русской политической культуры. Потому что:

1. Она оправдывает централизацию, концентрацию властных, интеллектуальных и материальных ресурсов нации в целях самосохранения и успешного развития каждого в России и России в мире. Она синтезирует, собирает, соединяет идеи и понятия, противопоставляемые в повседневных политических диспутах. Свобода и справедливость, права и обязанности, конкуренция и кооперация, индивидуальное и национальное, глобализация и суверенитет - совместимы и достижимы без разделения.

2. Суверен-демократический проект предусматривает изменение социальной системы, придание российскому обществу большей гибко-

17

сти, динамичности, восприимчивости к позитивным переменам. Смягчение политической структуры позволит ей развиваться не рывками и скачками, как прежде, а путем, если так можно выразиться, топологических преобразований, т.е. без разрывов и потерь. Без ущерба для целостности российской нации.

3. Текст о суверенной демократии персонифицирован, поскольку интерпретирует курс Президента Путина.

4. И, наконец, предсказывая России и миру гармоничное будущее, встречая скепсис и недоумение, эта концепция представляется весьма идеалистической, может быть, даже утопической.

Какой же прок от утопии? Где здесь прибыль? Уточню, понимаю под утопией, не то, чего нет и быть не может, а то, чего нет, но что желательно и в принципе возможно. В одном официальном американском документе есть такой девиз: наши цели идеалистичны, средства реалистичны. Разница потенциалов действительного и желательного, реального и идеального, по-моему, как раз и создает то напряжение человеческих сил, в результате которого возникают и развиваются культура и цивилизация.

Механистические суждения о культуре сводят ее к сумме накопленных сведений, материальных ценностей и произведений искусства. Трактуют как традицию, наследство, полученное из прошлого. На самом деле, культура существует по обе (точнее, по все) стороны настоящего. Будущее включено в ее пространство так же зримо, как и прошлое. Кино и литература, философия и религия, экономика и экология переполнены проектами, предчувствиями, видениями, исследованиями будущего. При этом почему-то принято думать, что о будущем мы знаем гораздо меньше, чем о прошлом.

В силу этого, отчасти спорного, предположения, опыт прошедшего времени, как правило, оказывает подавляющее влияние на организацию текущей деятельности. Кто-то сказал, генералы всегда готовятся к прошлой войне. Чтобы, не дай бог, не обидеть какого-нибудь генерала, давайте признаем, что и многие из нас, людей сугубо гражданских, видят сегодняшний день из прошлого. И почти не учитывают в процессе принятия актуальных решений возможные конфигурации будущего. Поэтому мы так долго топчемся в индустриальной эпохе, все уповаем на нефть, газ и железо. Поэтому постоянно догоняем, то Америку, то самих себя образца 89 года, а то и вовсе Португалию. Гоняемся за прошлым, то чужим, то своим. Но если предел наших мечтаний советские зарплаты или евроремонт, то ведь мы несчастнейшие из людей.

Чтобы сделать наши планы более интересными, амбициозными и реалистичными нужен новый метод. Нужно, чтобы будущее влияло на актуальную политику сильнее, чем прошлое. Нужно диагностировать и корректировать существующее положение с позиций предстоящего.

18

Назовем такой способ оценки и постановки задач «взгляд из утопии», из желательного будущего.

Какое будущее желательно? (Отметим с сожалением в скобках, что среди популярных футурологических брендов последних десятилетий - «постиндустриальное общество», «конец истории», «плоский мир», «цивилизация третьей войны» и проч. - нет ни одного российского происхождения.) Думаю, всех (ну, почти всех)

устроит мир без войн, сообщество суверенных демократий, процветающих и живущих по справедливым законам, когда, как писал Пушкин, «народы, распри позабыв, в единую семью соединятся». Есть правда, радикальные мечтатели, которые говорят, что и самих народов не будет, и наций. А будет одна сплошная глобализация. Возможно, они правы, но лично мне не интересно будущее, в котором нет ничего русского. Будущее без России не стоит того, чтобы о нем говорить. В качестве компромисса давайте помечтаем о глобальной федерации, основанной на договорных отношениях свободных наций.

Все субъекты такой федерации должны быть равны, что не означает ее культурной и экономической однородности, некоторые будут равнее. Хотелось бы, чтобы Россия как субъект утопической глобальной федерации была регионом-донором, нацией - лидером, одним из центров интеллектуальной активности. И вот вопросы к нам всем. Хотим мы включения в так называемую цивилизацию Третьей волны, или останемся ржаветь в индустриальной, на задворках глобальной экономики до скончания века и нефти? Хотим ли мы неуклонно стремиться к смягчению нравов в политике и в быту, или предпочтем ходить строем? Если хотим, то давайте взглянем на себя из наилучшего будущего. Из глобально значимой национальной экономики интеллектуальных услуг. Из процветающей суверенной демократии.

Что мы увидим? Увидим бурно ветвящуюся бюрократию, прилипшую к нефтяной трубе. Увидим, что на руководящих позициях в нашем обществе и в частном секторе, и в государственном критически мало людей, настроенных на Третью волну. Что сырье ценится дороже знаний. Что культура и образование еще не стали основой экономики и политики. И по-прежнему считаются нерентабельной «социалкой», периферией сырьевого комплекса. И нет понимания, что не существуют отдельно, сами по себе политические, экономические, военные преимущества. Они всегда часть и следствие культурного превосходства.

Давайте посмотрим на мировое хозяйство как на большой завод. На этом заводе есть цеха первичной переработки, где в пыли и в чаду трудятся рабочие низшей квалификации. Есть сборочный цех, где люди в белых халатах, рабочая аристократия, производят готовые изделия. Есть бухгалтерия, инженерное бюро, где работают специалисты с высшим образованием. А есть дирекция и правление. Там заседают самые умные.

19

Где же наше с Вами место на этом международном предприятии? Маловероятно, чтобы кому-то в мире пришло в голову обратиться к нам за новой технологией, качественными финансовыми услугами, эффективным управлением, кассовым фильмом, модной одеждой. На нашу страну выходят, чтобы купить нефть, газ, пресловутый лес - кругляк. Стало быть, в мировом разделении труда мы не инженеры, не банкиры, не дизайнеры, не продюсеры и управляющие. Мы - бурильщики, шахтеры, лесорубы. То есть довольно чумазые ребята с рабочих окраин. Конечно, всякий труд почетен, но все же - почему так? Мы ведь считаем себя высокообразованным и высококультурным народом. Что же мы, такие образованные, с нашим-то красным дипломом - кормим комаров на нефтеносном болоте. Такие культурные и одаренные, соплеменники Николая Гоголя, Игоря Стравинского, Ильи Пригожина - потеем на карьере и в забое. Может, мы не доросли до высоты нашей национальной культуры. Может, не все в порядке с образованием.

Руководитель одной из крупнейших энергетических корпораций рассказывал, что до недавнего времени (не исключено, что и по сей день) ни в одном профильном вузе России не было ни одного специалиста по парогазовой электрогенерации и ни одной соответствующей установке для наглядного изучения этой технологии. Между тем, не вдаваясь в детали, нужно отметить, что данная технология вполне банальна, имеет сегодня широчайшее применение повсюду в развитых странах. Чему же учат студентов? У них нет возможности не только заглянуть в будущее энергетики, но даже и толком узнать ее современное состояние. А один губернатор обнаружил, что в сельхозтехникуме слушатели получают представление о тракторах на примере машин, снятых с производства еще в 60-х годах. То есть система образования за малым исключением производит специалистов для экономики прошлого века.

В общем, из будущего можно увидеть в современности много чего печального. Но также и обнадеживающего.

Если автор концепции постиндустриального общества Дэниэл Белл недавно предсказал, что по достижении внутренней стабильности Россия «готова вступить в постиндустриальный век раньше, чем любая другая страна», то почему нам с ним не согласиться? Мы увидим, что это реально. Мы можем и обязаны стать белыми воротничками в мировом разделении труда, занять важное место в глобальной иерархии.

Мы увидим, что для этого нужно: а) прагматично следовать идеалистическим целям; учиться расчетливости и соразмерности действий, не теряя смелости мыслей. б) выполняя напутствие Президента о повышении эффективности использования природных ресурсов, помнить, что самый ценный природный ресурс нации - интеллект. Надо заниматься тем, что у людей в головах, что дороже нефти, газа и леса-кругляка. Культура, наука, образование должны быть признаны ведущей

20

производительной силой; умные, здоровые, свободные люди - главным достоянием страны. в) спроектировать политический курс таким образом, чтобы правящее большинство в собственных интересах способствовало росту влияния и активности передового меньшинства. А именно: предпринимателей, ученых, инженеров, гуманитариев, деятелей искусств, управляющих, нового поколения политиков, т.е. творческого сословия страны. г) не забыть, что недостаточно просто финансировать культуру и науку, надо научиться применять их достижения на практике. Наша страна должна стать привлекательной для новаторов, рентабельной для научной работы. д) выстроить стабильные связи с ведущими экономиками мира по сотрудничеству в инновационной сфере. Стабильные не значит простые. Перестройка и период первых реформ показали, что односторонние уступки в международных делах имеют нулевую капитализацию, даже отрицательную. Они не только не ведут к встречному смягчению позиций, но напротив, провоцируют еще большее давление и желание еще больших уступок. И все же: хотя цена конструктивных отношений не должна быть сколь угодно высокой, но она есть. За все надо платить. Нам нужны иностранные специалисты на предприятиях, иностранные ученые и преподаватели в структурах образования и науки. Нужна и промышленная кооперация в интеллектуальной сфере.

На практике: например, Китай сумел в свое время добиться от General Motors согласия на размещение корпоративного центра НИОКР и передачу новейших технологических разработок, сделав это условием допуска на свой рынок. Что-то подобное делала когда-то и Япония. Почему мы ограничиваемся заводами по сборке,

непонятно.

е) понять, что такими пустяковым словечками как «модернизация», «диверсификация» драматизм стоящих перед нацией задач не описать. Нам не нужна модернизация. Нужен сдвиг всей цивилизационной парадигмы. Сдвигать, конечно, надо аккуратно, чтобы друг друга не передавить. Но речь действительно идет о принципиально новой экономике, новом обществе. Нужна новая проекция русской культуры на предстоящую историю.

А история предстоит непростая. И это будет история сложных систем. Демократия - политическая система, функционирующая на пределе сложности. Инновационная экономика невозможна вне свободной, т.е. неустойчивой и динамичной по определению, творческой среды.

Пока в нашей стране избыток денег и бюрократии сочетается с дефицитом сложности и творческой недостаточностью. Примитивные структуры и линейные методы управления доминируют, скорость обработки информации и социальная мобильность населения крайне низки.

21

Нужно выйти из ступора, преодолеть шок и оторопь, охватившие наше общество при столкновении с собственным будущим. Мы похожи на все тех же парней с рабочих окраин, внезапно оказавшихся в деловом квартале города. Шум, огни, беготня, кругом ловкачи и умники, торговцы и ростовщики. А мы, как лохи, пятимся и путаемся, разинув рты и выпучив глаза. Обороняемся - только бы не надули. Надуют обязательно, если и дальше будем пятиться и разевать рот.

Нужно привыкнуть к жизни в сложном, открытом, неустойчивом, быстром мире. В котором если и есть равновесие, то динамическое. Если есть порядок, то подвижный и гибкий.

Консолидация, централизация власти была необходима для сохранения суверенного государства и его разворота от олигархии к демократии. Но уже сегодня и тем более завтра она может быть оправдана лишь в той степени, в какой служит целям перехода России на следующую ступень, на качественно новый уровень цивилизации.

При этом с высоты утопии ясно видно, что старая либеральная догма о высвобождении творческой энергии исключительно посредством механистического расщепления, разделения, разложения социальных структур не окончательно верна. Что холистические подходы, методы социального синтеза, сохранения и соединения, свойственные русской политической культуре, также пригодны для выращивания демократии. Видно, что неизбежные усложнение и дифференциация общественных институтов уравниваются встречной силой собирания разделенного, интеграции сложного целого. Видно, что культура имеет значение. Решающее значение. И что русская культура предопределяет достойное будущее России.

И последняя цитата. Больше не буду. Герцен о разногласиях славянофилов и западников: «Мы были противниками... но у нас была одна любовь... одно сильное чувство безграничной... любви к русскому быту, к русскому складу ума».

Уверен, что объединительная деятельность Президента Путина успешна и широко одобряема именно потому, что направляется русским умом, уважением к русской политической культуре, любовью к России.

22

КОНСТАНТИН РЕМЧУКОВ. АПОЛОГИЯ СУЩЕГО

ЗАМГЛАВЫ АДМИНИСТРАЦИИ ПРЕДСТАВИЛ ЧЕРТЕЖИ И МАТРИЦУ ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ

Владислав Сурков сделал доклад с провокационным названием «Русская политическая культура. Взгляд из утопии». По существу, это апология внутренней и внешней политики, того, что построено в России. Объяснение задним числом исходной логики проекта. Но ведь другие молчат вообще. Никто ничего не обещает и не объясняется с обществом. Даже кандидаты в президенты.

Доклад интересный. Написанный автором самостоятельно. Без референтов. В этом его большое достоинство. И одновременно указание на источник силы автора как практика: он и генератор идей, и их исполнитель - важнейшее условие эффективного управления преобразованием политического пространства России. Это вообще-то главное условие успешного реформирования чего бы то ни было. Маргарет Тэтчер смогла реформировать Британию именно потому, что была и генератором идеи, и ее исполнителем. И не поддалась на шантаж умирающих от голода шахтеров. Сказала, что как конкретным личностям она им сочувствует, но как человек, ответственный за будущее Британии, должна довести реструктуризацию угольной отрасли до конца.

У нас тоже бывает так. Но бывает, правда, и по-другому. Перестройка в тех сферах, где генераторы и исполнители идей совпадали, была успешной. Например, в сфере международных отношений и идеологии, Горбачев, Яковлев и Шеварднадзе довели дело до конца. А там, где, как, например, в экономике, делегировали генерирование

23

идей советским академиком Шаталину, Аганбегяну, Абалкину, Буничу, Петракову, там вождям не хватало стойкости и последовательности. Позже и у Ельцина не хватило убежденности в версии Гайдара относительно того, что предприятия пойдут на снижение цен на свою продукцию ради реализации и получения оборотных средств. Он через 10 месяцев отправил Гайдара в отставку, а экономика продолжала конвульсивные попытки приспособиться к либерализации рынков по-советски через субсидированные кредиты и госгарантии, списание долгов и мучительный бартер.

Это я к тому, что мне совершенно понятно, почему Суркову удастся отстраивать политическую систему страны в соответствии со своим видением. Ни один из его оппонентов не предлагал нам столь же самостоятельной версии фундаментальных проблем свободы и демократии в России.

У нас не принято обсуждать статьи Суркова. Конечно, есть риски: обыденное сознание дает мотив, лежащий на поверхности: будешь хвалить, скажут - лизоблюд, начнешь ругать - наживешь влиятельного врага.

Это удобное соображение. Оно освобождает от необходимости предоставлять продукт собственного производства. Это выгодно многочисленным политологам, бесплодным, как смоковница. Это выгодно политикам, не имеющим, как правило, оригинальных идей. Это выгодно оппозиционерам, поскольку позволяет игнорировать

содержательную дискуссию, шансы на победу в которой неочевидны.

Я думаю, что бояться Суркова не стоит. Из текста видно, что он написан искренне и предельно заинтересованно. В таких случаях авторы немстительны, они прислушиваются к аргументам оппонентов и готовы к полемике.

Предлагаю начать обсуждение лекции Суркова. Я предоставляю газетную площадь всем содержательным точкам зрения. Хочу услышать ведущих политиков, то есть тех, кто собирается попасть в Думу в декабре с.г. Мне кажется, четкая позиция лидеров - подспорье для избирателя в определении своего выбора.

Что касается меня, то я выделю то, что мне понравилось или показалось достойным. А потом укажу на то, с чем не согласен.

ДОСТОИНСТВА

ПЕРВОЕ. Речь в статье идет о демократии. Суверенной, но демократии. Это очень важно, так как создает поле для сближения позиции с оппонентами. При этом анализ текста выявил для меня еще одну особенность: синонимом определения «суверенная» содержательно является всего один эпитет «российская». То есть текст неопровержимо свидетельствует, что Сурков говорит о «российской демократии»,

24

именно для этого он оперирует такими категориями, как «матричные структуры нашей истории», «национальное самосознание», «культура».

Вообще мне кажется, что термин «суверенная демократия» оказался неудачным. Обзovi Сурков понимаемый им контент «российской демократией», эффект поляризации в обществе был бы меньшим. Отграничительная природа термина «суверенный» понятна для практических целей «объяснения на пальцах» для недалеких сторонников. Для сторонников «далеких» было бы достаточно назвать демократию «российской», потому что все и так знают, что есть демократия «американская», «японская», «швейцарская», «французская», «английская», «итальянская».

ВТОРОЕ. Автор хочет максимально включить в анализ проблем российской модернизации факторы социокультурного своеобразия России и россиян. Это правильно. Я двадцать пять лет назад занимался проблемами японского менеджмента. Мне казалось, что изучение этих вопросов позволит применить их в СССР и мы рванем вперед. В 1985 году я пришел к однозначному выводу: речь должна идти не об управлении по-японски, а управлении японцами. Это был ключ к пониманию того, что код пересадки японского управленческого опыта на советскую почву намного сложнее, чем кажется. Территориальная ограниченность японской земли, жесткая социальная градация: крестьянин - ремесленник - самурай, культура многочасового усидчивого повторения одной операции, будь то написание иероглифа или отработка удара в карате - факторы архетипического значения для Страны восходящего солнца. Кстати, иероглиф «до» означает «долгий путь». Поэтому многие виды единоборств имеют этот иероглиф в названии карате-до, дзю-до. У нас, я думаю, архетип национального сознания не предусматривает того предельного варианта покорности и бесконфликтности, что наблюдался в японской общине оттого, что некуда было бежать и надо было приспособливаться и улыбаться. У нас, когда доставал помещик или барин, всегда была альтернатива побега к казакам или в Сибирь. Русь велика.

ТРЕТЬЕ. Сурков делает тонкое замечание относительно того, что партии должны избирателей разделять, народ соединять. В качестве принципа российской многопартийности эта мысль выглядит плодотворной. По крайней мере на этом пути я могу представить себе время, когда победа одного из кандидатов будет составлять о,1% и общество, признав подсчет голосов, признает и нового лидера своей страны, как это было в США в 2000 году.

ЧЕТВЕРТОЕ. Верно суждение о русском идеализме и мессианстве на его основе. Эта архетипическая черта кажется сегодня неуместной и иррациональной, но игнорировать ее нельзя без риска впасть в идеализм иного, утопического рода.

25

ПЯТОЕ. Вывод о том, что наше общество - общество индивидуалистов, а русский коллективизм - вымысел чистой воды, почти революционен. По существу, он ставит под сомнение одну из ключевых составляющих так называемой матрицы воспроизводства архетипа русской нации.

НЕДОСТАТКИ

ПЕРВОЕ. Главная мысль автора звучит так: «Фундаментальные особенности России. Во-первых, это стремление к политической целостности через централизацию властных функций. Во-вторых, идеализация целей политической борьбы. В-третьих, персонификация политических институтов». Понятно, что Сурков занимается апологией того, что и почему было построено в политической системе при Путине. Но идеалу этой матрицы соответствует советский строй, особенно эпохи Сталина. Все на месте: и централизация, и мессианство, и культ личности как апофеоз персонификации политических институтов.

Вопрос: ну и что? То, что режим легитимизирован в глазах большинства населения, так и хочется сказать, подавляющего. А потом? После смерти вождя? Десталинизация, вынос тела, переписывание учебников, демонтаж памятников и... ностальгия по сильной руке. То есть соответствие параметрам матрицы - исторически краткий период (20-30 лет), в ходе которого осуществляется модернизация мобилизационного типа с упором на интересы государства в ущерб правам личности. И что это за матрица, требующая «дурной бесконечности» возвышения диктаторов-реформаторов, после которых надрываются сила и дух народа на долгие десятилетия?

ВТОРОЕ. Трудно согласиться со следующим тезисом автора: «Рассказы о том, что нынешнее беспрецедентное давление на Россию вызвано недостатками нашей демократии, - вздор, глупость. Гораздо умнее разглядеть за этими разговорами иные причины и цели - контроль за природными ресурсами». Мне представляется, что абсолютизация материальных мотивов ошибочна, как любая крайность. Во-первых, нельзя лишать Запад способности к реализации собственных идеалов в форме мессианства. Во-вторых, Запад, даже США - совокупность жестко конкурирующих между собою политических элит. И считать, что их объединяет, до неразличимости, корысть в отношении наших ресурсов - упрощение. Упрощение, выводящее нас за рамки

содержательного диалога с Западом.

ТРЕТЬЕ. Неоправданно утилитарно, прагматично выглядит мотив необходимости сближения культур. Сурков пишет, что это нужно, «поскольку без доступа к интеллектуальным ресурсам Запада создание инновационной экономики кажется невозможным». Неужели культу-

26

ры сближаются только для этого? А для обмена культурными ценностями неэкономического толка они нам не нужны?

ЧЕТВЕРТОЕ. Почти приговором России звучит вывод автора, хотя и с оговорками, о том, что «неосторожная и несвоевременная децентрализация всегда будут ослаблять российскую демократию. Порождать хаос и деградацию социальных институтов, структур демократической власти».

Вывод искренний, убежденный. Тем лучше. Потому что взгляд человека на угрозы децентрализации, которая в контексте архетипической матрицы всегда выглядит «неосторожной и несвоевременной», ценен тем, что он дает нам представление об идеале. Идеал - централизация, собирание. Но глобализация породила некую парадигму выживаемости для политических институтов и бизнеса. Эта парадигма - децентрализация процедур принятия ключевых решений, подключения к ним людей в самом низу иерархии. Без этого нет ни одного шанса выжить. Банки лопаются, корпорации банкротятся, государства распадаются, если центральный офис принимает на себя ответственность за все решения. Эта ответственность не подкреплена реальной компетенцией. Она вся внизу. Чем больше будет напряжение центростремительных сил, тем дальше разлетятся части после ослабления тяги. В мобилизационной модели так всегда происходит с ослаблением страха. В этой связи актуальной выглядит задача построения модели функциональной на основе децентрализации, делегирования, деюрократизации и деконцентрации. Все искусство политики и вызов времени состоит в способности провести децентрализацию без хаоса, как реальную демократизацию власти в стране.

ПЯТОЕ. Сурков, на мой взгляд, ошибочно утверждает, что в нашей политической культуре личность вытесняет институты. Мне кажется, что это происходит лишь в моменты переходности. Нюанс. Личность не вытесняет, а заменяет собой институты. Это - нормально. Ненормально, если личность в это время не создает институты. Если уход личности с политической сцены будет означать немедленный институциональный вакуум. Яркий пример - Москва. Умница Гавриил Попов, сокрушитель-теоретик административно-командной системы, не смог работать мэром. Потому что он столкнулся с институциональным вакуумом и его команды повисли в нем, если в вакууме может что-то висеть. Пришел Лужков, который и стал главным институтом новой системы. Он не поддержал приватизацию по Чубайсу, потому что понял, что частный собственник без институтов «отвяжется» и погрузит столицу в хаос и мрак. Лужков фактически отменил приватизацию и заменил ее на аренду, что дало ему рычаги давления на собственников, позволило заставить мыть витрины и укладывать тротуар вдоль магазинов и зданий. Дикий, нерыночный способ, но Москва первой из городов России вышла из мрака и запущенности перестройки и первых лет либерализа-

27

ции. Для этого Лужкову пришлось быть вездесущим, в кепке, на стройке, в спальном районе, снимающим с должностей, ругающим важных чиновников, встречающимся с представителями различных диаспор, лоббирующими свои деловые интересы и землеотводы в столице. Кстати, мое определение института звучит так: процедура плюс традиция ей следовать. Под этим углом зрения мне понятны институты коррупции и правосудия, принятия решений и демократии.

Касаясь Москвы и Лужкова, важный вопрос звучит так: что оставит в наследство Юрий Михайлович с точки зрения функционирования мегаполиса - отлаженные институты или вакуум, потому что все решения принимал лично он? Если институты созданы, то он может уходить и заниматься пчеловодством или кататься на машинах. Если с его уходом начнется хаос, передел рынка, война кланов и тому подобное, то пусть сидит в своем кресле еще. Лиц, способных без ущерба для москвичей взять Москву под контроль в отсутствие институтов, сегодня в стране нет.

Задача людей у власти, заменяющих собой отсутствующие или неработающие институты, приоритетно и неустанно эти институты строить. В этом видится их историческая миссия. Если Сурков, замещающий собой целую дюжину институтов, создаст институциональные основы будущей политической системы, то он станет исторической личностью. Если же он будет действовать просто как их (институтов) заменитель для достижения прагматических целей текущей политики, то он тоже останется в истории. Но это будет уже совсем другая история.

В заключение хочется еще раз сказать вполне определенно: такого рода статьи - важный инструмент введения в повестку дня серьезных, дискуссионных тем для обсуждения важных проблем как сторонниками, так и противниками нынешнего режима.

28

ГЕОРГИЙ БОВТ. ВЛАДИСЛАВ СУРКОВ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛИЗМ

ОТВЕТЫ НА НАШИ ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ ЛЕЖАТ НЕ СТОЛЬКО В ПРОШЛОМ, СКОЛЬКО В БУДУЩЕМ

Замглавы кремлевской администрации Владислав Сурков с завидной регулярностью вбрасывает в интеллектуальное сообщество (в том редуцированном виде, в каком оно сегодня существует) всё новые тезисы для осмысления. Внятных альтернатив сурковской концепции «суверенной демократии» покамест никем не выдвинуто, дело ограничивается сугубо политическими оценками, варьирующимися между «нравится» и «нравится не так чтобы сильно, но все же нравится». Не довелось читать ни одного внятного разбора вышеупомянутой концепции как якобы «вредной». Она таковой и по определению быть не может, потому как является лишь приглашением для дискуссии на столь любимую русскими тему о Смысле Жизни.

ВЕРТИКАЛЬ - ДВИГАТЕЛЬ ПРОГРЕССА?

Недавняя лекция Владислава Суркова в президиуме Академии наук «Русская политическая культура. Взгляд из утопии» стоит того, чтобы вчитаться в ее текст (хотя, скажем сразу, текст сильно непростой, а местами кажущийся путаным). Там много чего можно угадать по поводу будущей идейной эволюции правящей российской элиты. И представить

29

себе ту развилку, на которой эта элита сейчас «зависла» - «налево пойдешь, направо пойдешь...»

Главной заслугой Суркова-идеолога можно признать его неустанные попытки скрестить демократию (через определение «суверенная») с русской исторической и культурной традицией. Даже частичные успехи на этом поприще можно признать философским подвигом.

Традиция во многом предопределяет, по Суркову, ту специфику современной российской демократии, которая хотя и не нравится западным критикам режима Владимира Путина, однако для современной России является, по Суркову, единственно политически возможной.

Он говорит: «Новый демократический порядок происходит из европейской цивилизации. Но при этом из весьма специфической российской ее версии. Он жизнеспособен в той мере, в какой естественен, то есть национален». Здесь и спорить не с чем. Хотя одни и те же термины в устах, скажем, европейских либералов и кремлевских политтехнологов имеют подчас противоположный смысл.

Своеобразие диктуется, по Суркову, прежде всего «архетипическими, неотменяемыми свойствами русской политической культуры», ее, так сказать, «матрицей». Какова, спрашивается, эта матрица, которая проходит сейчас «перезагрузку», пытаясь дать ответ на цивилизационные вызовы XXI века? За ответом Владислав Сурков обращается к русским религиозным философам (но почему же только к ним?). Цитирует Ивана Ильина: «Русская культура есть созерцание целого». Затем Бердяева: «Русские призваны дать... философию цельного духа... Если возможна в России великая и самобытная культура, то лишь культура религиозно-синтетическая, а не аналитически-дифференцированная». И Трубецкого: «Русским более свойственно познание мира религиозной интуицией как органического целого в отличие от Запада, где философы проникали в тайны мира, расчленяя его рассудком на составные части для анализа...»

Тем самым лектор сразу же выводит на противопоставление русской традиции западной. Это сейчас модно. Но сколь это в исторической перспективе продуктивно?

Противопоставление распространяется им на «русский тип мышления», он отличен от западного, «редукционистского». Сурков считает, что «в нашей мыслительной и культурной практике синтез преобладает над анализом, идеализм над прагматизмом, образность над логикой, интуиция над рассудком, общее над частным... В основе нашей культуры - восприятие целого, а не манипулирование частностями; собрание, а не разделение».

Однако русская философия не ограничивается популярным нынче в верхах И.Ильиным, у которого можно при желании много чего найти - в том числе и апологию фашизма. Но почему не обратиться к наследию иной русской школы? К примеру, к Борису Чичерину, кое-какие по-

30

ступаты которого вполне могли бы не менее гармонично лечь в контекст духа нынешнего времени. Ведь это же он сказал: «В настоящее время в России потребны две вещи: либеральные меры и сильная власть». Кто же будет спорить насчет власти-то?

В работах того же Чичерина, а также Т.Н.Грановского, С.М.Соловьева, К.Д.Кавелина можно немало полезного почерпнуть по поводу попыток утверждения в России «европеизма», о том, что утверждение идеи особого пути исторического развития России не исключало признания необходимости ее обновления на основе именно западных образцов. Их идеи во многом стали обоснованием реформ Александра II. Если, конечно, заранее не исходить из того, что нам теперь куда ближе и милее Александр III - и непременно «в пакете» с Победоносцевым.

А был ведь еще ранний М.Н.Катков, не разделявший веру Чичерина в великую реформаторскую силу сильной («бонапартистской») власти. Он считал, что, «привыкнув следить в русской истории за единственным в ней жизненным интересом - собиранием государства, невольно отвыкаешь брать в расчет все прочее, невольно пристращаешься к диктатуре». Ему вторил князь В.А.Черкасский, который, как мне кажется, справедливо и именно по-нынешнему актуально подчеркивал Чичерину: «Ваш проект предполагает разумное, вполне сознающее свою цель и твердо к ней идущее правительство, чего мы ожидать не можем».

Упование лишь на властную вертикаль как двигатель российского прогресса подразумевает как минимум то, что на вершине сей вертикали обретается абсолютная воплощенная мудрость, наделенная почти божественными свойствами непогрешимости. И даже если это многим сегодня и видится таковым (кажется, лишь адекватность самооценки самого Путина сдерживает безумие культа личности в самых непристойных формах, на которые всегда готова раболепная российская элита), можно ли на этом строить целую политическую теорию?

В современной российской политической практике Владислав Сурков выделяет три ярких особенности: «Во-первых, это стремление к политической целостности через централизацию властных функций. Во-вторых, идеализация целей политической борьбы. В-третьих, персонификация политических институтов».

Главное для него, конечно, - сильная центральная власть, которая «на протяжении веков собирала, скрепляла и развивала огромную страну, широко разместившуюся в пространстве и времени. Проводила все значимые реформы».

От эпохи создания централизованного государства непринужденно перекидывается мостик в современность: «Наличие могущественного властного центра и сегодня понимается большинством как гарантия сохранения целостности России - и территориальной, и духовной, и всякой. На практике: стягиванию российских земель к центру, в единое целое государство служит процедура наделения губернаторов полномо-

31

чиями по представлению президента. А также административный аппарат федеральных округов. И централистские тенденции межбюджетных отношений». И так далее.

Однако тут, кажется, есть натяжка. Ведь создание русского централизованного государства во многом было

предопределено существованием в условиях враждебного окружения, сейчас мир все же изменился, условия далеко не тождественны временам соседства с Диким Полем, агрессивной Речью Посполитой и пр., сколь бы ни пыталась внушить иное нынешняя официальная пропаганда.

После объединения страны уже Империя выступала в роли реформатора, стремясь выиграть цивилизационное соревнование с ближними и дальними соседями. И всякий раз это реформаторство обретало формы насильственной, форсированной модернизации сверху. В этом Петр Первый - это тот же Сталин времен индустриализации (куда Россия попала вместе со странами «второй волны индустриализации» типа императорской Японии, муссолиниевской Италии, гитлеровской Германии).

Всякий раз российская насильственная модернизация сверху, обеспечивая скачок в краткосрочном развитии, мобилизуя ресурсы для решения текущих задач, обрекала страну на отставание в будущем, стратегически. Потому что централизованная власть блокировала (душила, казнила, ссылая на каторгу или в ГУЛАГ, прибавала цензурой и пр.) творческий, гражданский потенциал общества, блокировала потенциал и инициативу его САМОразвития. Еще никому не удавалось разорвать этот порочный круг.

Владислав Сурков на самом деле все время пытается честно найти выход из этого круга - на путях «суверенной демократии». Он говорит о принципе «российской многопартийности», когда партии «должны не только разделять избирателей по взглядам и убеждениям, но и объединять их вокруг общих ценностей». И о том, что «президент, находясь в центре демократической системы, является гарантом демократической конституции и сбалансированности разделенных властей - исполнительной, представительной и судебной. Нарушение этого баланса, неосторожная и несвоевременная децентрализация всегда будут ослаблять российскую демократию».

На этом месте спотыкаешься. Предлагаемая конструкция кажется идеалистичной (она исходит из идеи абсолютной непогрешимости президента, имея в виду притом не сам по себе институт, а персонально Владимира Владимировича) и нефункциональной. Президент (абстрагируясь от личности) не может являться гарантом сбалансированности разделения властей, ибо он представляет собой лишь одну из этих ветвей. Гарантом же их сбалансированности может быть только их взаимное ограничение друг другом и конкуренция между собой. Это правило действует вообще для любых систем, не только политических.

32

Вообще, кажется, бессмысленно противопоставлять централизацию и децентрализацию вне контекста понимания самих принципов общения общественных институтов между собой.

В этой связи любопытно вспомнить другого русского философа первой половины XX века - Б.П.Вышеславцева. Вот что он писал, к примеру, к марксизму как идеологии, претендующей на национальное значение: «Марксизм как идеология... не хочет ничего «созерцать» и ничего «искать»... Эта идеология не терпит никакой диалектики, не признает никакого диалога, она признает только монолог, диктат, диктатуру. ...Она не терпит научного незнания, не допускает сомнения, не признает ничего неясного и нерешенного, не любит самостоятельной мысли и говорит: «Ты не думай - вожди за тебя подумали»... То, что способно противостоять ей, есть демократическая свобода. Только она диалектична, признает диалог, разговор («парламент» и означает разговор), признает оппозицию, то есть постоянную свободу сказать «нет», а не только обязанность говорить «да»; свободу тезиса и антитезиса, дабы найти синтез, дабы сговориться и договориться.... Классическая философия права в сущности потому и обосновывала либеральное демократическое государство на идее свободного соглашения (договора), что считала это прямым выводом, который лежит в основе всякого научного, философского и этического мышления и искания». Искания - вот так-то!

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПУТЬ К БУДУЩЕМУ

Вот они, ключевые слова - «диалог», «оппозиция», «конкуренция», «противопоставление». Это и есть тот питательный бульон современной истории, где гарантированно (а не по воле просвященного монарха, появляющегося раз в 200 лет и не факт, что вовремя) воспроизводятся импульсы для саморазвития общества, где происходит спасительный разрыв таких понятий, как, с одной стороны, «реформы», «модернизация», «прогресс», с другой - «власть», «принуждение». В рамках такой диалектики уже невозможны суждения о том (как у Суркова), что синтез имеет приоритет над анализом или наоборот. Они в данном случае составляют все же некое единство - как и сопоставление и противопоставление.

При этом у лектора Суркова есть несколько как минимум блестящих «клиповых» философских наблюдений современной русской жизни. До столь ярких и размашистых наблюдений, надо признать, не часто поднимаются даже самые лучшие публицисты.

Ну, например, о русском идеализме, замешенном, разумеется, на некоем мессианстве. Он говорит: «Русскому взгляду свойственна романтическая, поэтическая, я бы сказал, дальнорзоркость. Что рядом - покосившийся забор, дурная дорога, сор в ближайшей подворотне -

33

видится ему смутно. Зато светлая даль, миражи на горизонте известны в подробностях. Уделяя больше внимания желаемому, чем действительному, такой взгляд на вещи приводит к поискам единственной правды, высшей справедливости. Создает ощущение если не исключительности, то особенности, непохожести на соседей. Эта непохожесть и тяготит, и необыкновенно вдохновляет».

Надо надеяться, что имиджмейкеры «Справедливой России» возьмут сей пассаж на заметку: на нем много можно чего выстроить. Было б желание...

Трудно не согласиться с Сурковым и в том, что сегодня «русский сверхколлективизм - вымысел чистой воды. Если кто из вас пытался хоть раз уговорить соседей общими средствами установить в подъезде домофон, то знает, как дорого дается минимальная коллективизация. А как у нас водят машины? Поперек дороги, по встречной, в пьяном виде, бессмысленно и беспощадно. Коллективист так не водит. Он уважает других членов коллектива. Мне кажется, в нашем обществе преобладают индивидуалисты. А за коллектив время от времени люди прятались по необходимости - от власти, от ответственности, от принудительного труда».

А как метко сказано о том, что русская «созерцательность, порой принимаемая за лень, ведет к тому, что нюансы, подробности, частности, нудные расчеты и механизмы реализации не анализируются. Будущее должно наступить одним махом и в полном объеме, а как его достичь - это детали, что голову забивать...»

Или - о пагубности «конвульсий больших скачков» - попыток либо увеличить пенсии сразу вчетверо, либо зарплату впятеро.

Но после всего этого набора скептических рассуждений Владислав Сурков настаивает на том, что в будущее надо идти, имея на вооружении упомянутую выше русскую культурную матрицу. Напоминает об ошибках прошлого, когда иные российские реформаторы-модернизаторы пытались преодолеть «слишком русское, слишком национальное». Руссо ведь упрекал задним числом Петра Великого в том, что он пытался сделать русских голландцами или немцами вместо того, чтобы дать им быть русскими и развиваться в этом качестве. А Павел I хотел наделать из русских солдат пруссаков. А большевики перерабатывали сотню этносов в советскую общность. А перестройщики - в невиданную расу обещечеловеков.

Однако Сурков не приводит примеров успешных реформаторов-модернизаторов, преуспевших в своем модернизаторстве именно опираясь исключительно на «русское национальное». Ведь это, согласитесь, и не Петр, и не Сталин, и не Первый, и не Второй Александры, и даже не чуть ли не боготворимый ныне реформатор-неудачник Столыпин.

Тут-то и встает главный - «чаадаевский» - вопрос, не разрешенный ни западниками, ни славянофилами, ни тем более нынешними нищими

34

(в прямом и переносном смысле) российскими философами и политологами.

Владислав Сурков его ставит в яркой публицистической обостренности. И получается у него вот что.

С одной стороны - «Нам Бог велел быть русскими, россиянами. Так и будем, будем. Будем учитывать проблематику и будем использовать преимущества нашего национального характера и нашей политической культуры для создания конкурентоспособной экономики и жизнеспособной демократии».

С другой стороны - «Наши трудности с Западом - ...это трудности общения однокоренных, но глубоко различных по духу европейских культур... Давнее соседство и смутно ощущаемое дальней родство по религиозной линии только усиливают раздражение. Разногласия между близкими людьми, как известно, эмоционально насыщеннее, чем между малознакомыми и безразличными друг другу. Преодолимы ли культурные противоречия? Полностью - вряд ли, но сближение культур возможно и необходимо. Россия заинтересована в таком сближении, поскольку без доступа к интеллектуальным ресурсам Запада создание инновационной экономики кажется невозможным».

Еще он говорит: «Мы можем гордиться нашей политической культурой. Именно она предсказала и принесла России демократию. Она располагает достаточным потенциалом для выработки российской демократической модели... А если что заимствовать извне, то идеи, а не штампы, живые мысли, а не дохлые схемы... Чтобы лучше усвоить свободу, нужно извлечь суть и пользу из зарубежного опыта, а не жевать с трагическим лицом наемного правозащитника фантики и ценники импортной демократии».

И в то же время признает: «Чтобы сделать наши планы более интересными, амбициозными и реалистичными, нужен новый метод. Нужно, чтобы будущее влияло на актуальную политику сильнее, чем прошлое. Нужно диагностировать и корректировать существующее положение с позиций предстоящего... Нам не нужна модернизация. Нужен сдвиг всей цивилизационной парадигмы... Речь действительно идет о принципиально новой экономике, новом обществе. Нужна новая проекция русской культуры на предстоящую историю».

Он верит в предсказание автора концепции постиндустриального общества Дэниела Белла, что по достижении внутренней стабильности Россия «готова вступить в постиндустриальный век раньше, чем любая другая страна», верит в то, что «мы можем и обязаны стать белыми воротничками в мировом разделении труда, занять важное место в глобальной иерархии». Но при этом он же и признает: пока не можем, потому что «пока в нашей стране избыток денег и бюрократии сочетается с дефицитом сложности и творческой недостаточностью. Примитивные структуры и линейные методы управления доминируют, скорость обра-

35

ботки информации и социальная мобильность населения крайне низки».

* * *

По правде сказать, в этом самом месте стоило бы и констатировать как минимум неполную эффективность нынешней системы общественного управления Россией.

Понятное дело, Сурков этого сделать не может, должность не позволяет. Однако и он, на мой взгляд, приходит в конце своей лекции, по сути, к частичному отрицанию того, о чем говорил в начале. Потому что такой делает вывод: «Консолидация, централизация власти была необходима для сохранения суверенного государства и его разворота от олигархии к демократии. Но уже сегодня и тем более завтра она может быть оправдана лишь в той степени, в какой служит целям перехода России на следующую ступень, на качественно новый уровень цивилизации».

То есть - все же отрыв? Все же констатация необходимости прорыва, прежде всего духовного и интеллектуального? Но в чем, на каком именно направлении? Нет ведь ответа-то!

Трудно политически не согласиться с Сурковым в том, что «объединительная деятельность президента Путина успешна и широко одобряема именно потому, что направляется русским умом, уважением к русской политической культуре, любовью к России».

Но, как мне кажется, в чем-то был прав и великий историк Грановский, когда говорил, что «изучение русской истории портит самые лучшие умы».

Видимо, ответы на наши проклятые вопросы лежат не столько в сфере прошлого (мы все время норювим шагать вперед с головой, обернутой назад), сколько будущего. Нужно сломать слишком много закостеневших парадигм. Совершить в будущее именно интеллектуальный, духовный прорыв. Таковой невозможен на путях авторитарной модернизации. И вообще невозможен в условиях несвободы общества. Однако неправильно - в том смысле, что упрощенно - было бы описывать состояние современного российского общества как именно (или только) несвободного. Скорее это сон, и главная тут дрема - своеобычность и уникальность в мире. Как разбудить этот народ так, чтобы он, вдруг проснувшись, не наломал дров и не вверг страну в пучину охлократического мракобесия (эдакий «русский Талибан»)?

Ответа на этот вопрос ведь на самом деле не знает ни один Сурков. Вот почему и вот откуда, видимо, у него

и взялось это слово - «утопия».

36

СЕРГЕЙ СТЕПАШИН. НУЖНО ЛИ СКЛЕИВАТЬ РЕТОРТУ?

РЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ РАЗБИВАЕТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДЕМОКРАТИИ, ВЗРАЩЕННОЙ В ЛАБОРАТОРНЫХ УСЛОВИЯХ

Начатая газетой дискуссия вокруг идеологом Владислава Суркова дала немедленный результат. Один из участников обсуждения (Константин Ремчуков) сделал примечательное наблюдение: не важно, что Сурков говорит о «суверенной демократии», главное - о демократии. И дальше - важное замечание: демократия действительно бывает «американской», «японской» и т.д. Эта констатация примечательна тем более, что она принадлежит автору, известному своей принадлежностью к сегменту российского либерального мышления. Ибо среди прогрессистски мыслящих граждан крепка вера: демократия - она и есть демократия, так что эпитеты здесь так же неуместны, как, например, при слове «законность», которое у нас в недавнюю пору назначено было употреблять с прилагательным «социалистическая».

ЭПИТЕТЫ УМЕСТНЫ

Конечно, демократия - понятие универсальное. И не стоит повторяться относительно того, что оно подразумевает. А что - не может быть оттенков? Один из них - и, на мой взгляд, весьма разумный - предложил упомянутый автор: «российская демократия».

Молодая российская демократия - в стадии становления. Очевидно, что она стремится к реализации конечного смысла, заложенного в понятии «демократия». Транзитный же период российской де-

37

мократии неизбежно сопровождается определенными особенностями. Некоторые из них, вероятно, тоже преходящи. А некоторые - будут сопутствовать российской демократии неопределенно долгое время, если не всегда. Ибо они диктуются национальными факторами и историческими традициями. Возможно, их не следует абсолютизировать. Ибо они, если не впадать ни в русофильство, ни в русофобство, не такие уж и своеобразные - как это ни парадоксально.

Скажем, наши западноевропейские собратья по континенту порой отказывают нам в принадлежности к единой политической культуре. Да нет же! Даже возникший в 1917 году советский проект, на 70 лет отторгнувший нас от Западной Европы, - продукт культивировавшейся тамошними интеллектуалами левой идеологии. Завороженные этим обстоятельством лидеры духовной жизни Западной Европы закрывали глаза на «издержки». После поездки в СССР Ромен Роллан назвал сооружение ГУЛАГами Беломоро-Балтийского канала свободным трудом свободных людей. Французскому писателю было не стыдно - ведь в СССР реализуются идеи Конвента. Стыдно стало его читателям, когда спустя несколько десятилетий интеллектуального фрондерства они прочитали «Архипелаг ГУЛАГ», катапультировавший французскую Компартию к ее нынешнему закату. Возможно, восхищенная лепота зарубежных интеллектуалов звучала из-за того, что западноевропейская совесть еще не оправилась от воспоминаний о революционных эксцессах в собственных странах. По масштабам кровопролития и надругательства над гуманистическими ценностями французская и русская революции сопоставимы. И неизвестно, что лучше. Возрадоваться, что не мы первопроходцы на пути к господству революционной целесообразности. Или с грустью констатировать, что в этом вопросе Россия - вполне себе часть общеевропейской политической культуры. Семь десятилетий большевистского применения либертарианских европейских идей, произошедшего в силу и ныне существующих ментальных особенностей нации, накладывают отпечаток на юную российскую демократию. Кстати, в России она зародилась самостоятельно - в отличие от некоторых стран, потерпевших поражение во Второй мировой. Оттенки, однако.

СТЕРИЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ?

Похоже, демократии в некоем стерильном, лабораторном исполнении, запаянной в вакуумной реторте, попросту не существует. Реальность придает демократии некие оттенки, которые необязательно диссонируют с Конституцией и, напротив, способствуют адекватной реализации демократических принципов. Скажем, институт выборщиков в США, не такое уж подтверждение прямой демократии, способен исправить мнение проголосовавших, продиктованное ложно воспринятыми общественными интересами. Это один из примеров конст-

38

руктивного участия элиты в решении противоречий, возникающих в рамках бинорма «Власть - демократия».

Представляется допустимой известная аналогия между системой участия выборщиков в формировании властных институтов в США и схемой местных Законов как выборщиков главы региона. В этом случае, как можно предположить, будут в значительной мере отсечены клановые и этнонациональные воздействия на формирование исполнительной власти на местах, ослаблено влияние корпоративных групп на избирательный процесс, рассматриваемый ими зачастую только как средство передела собственности. В свою очередь, главы регионов, поскольку они предложены Центром, в ходе работы будут учитывать и общенациональные интересы.

Я убежден, что выстраивание того, что называется «вертикаль власти», было направлено на предотвращение распада страны, нейтрализацию сепаратистских тенденций, подавление незаконных вооруженных формирований. На преодоление, в конце концов, известной причудливости отношений между Центром и некоторыми национально-территориальными образованиями. Помимо этих объективных факторов, диктовавших необходимость перемен, были и факторы субъективные, связанные с особенностями менталитета россиян, историческими условиями становления российской государственности, моделью поведения нашего среднестатистического, «массового» человека. То есть факторы, которые, по мнению некоторых политологов, приводят к власти на местах эстрадных исполнителей, популистов, а то и вовсе граждан сомнительной репутации. Согласно той же трактовке, эти факторы характеризуют россиян как общество, еще не вполне готовое к разумному использованию демократических институтов.

Это ли подразумевалось в выступлениях Путина вслед за Бесланом: мы живем в условиях политической системы, не соответствующей уровню развития общества? Едва ли глава государства солидаризируется с нашумевшим высказыванием одного из братьев известной творческой семьи - мол, в России пьяными на тракторах разъезжают и ничего не читают. Столь яростная генерализация свойств части собственного народа, конечно же, яркий отечественный вклад в сокровищницу русофобии. Но и соринку в собственном глазу заметить - тоже небесполезно. Скажем, нетрезвый или злонамеренный гражданин, что и говорить, во взаимоотношениях с демократическими институтами уподобляется персонажу крыловской басни, пытающемуся освоить очки. Как известно, попытка применить неведомое устройство была контрпродуктивной. Именно против контрпродуктивного применения демократических институтов, дискредитирующего саму демократию и ведущего к развалу государства, направлены произошедшие изменения.

39

АУ, ОППОЗИЦИЯ!

Какова роль интеллигенции в формировании российской демократии и гражданского общества? В частности, той части интеллигенции, которую называют «внесистемной оппозицией».

В России функции элиты исторически складывались весьма неоднозначно. Та ее часть, которая была во власти, зачастую общалась со своими интеллектуальными собратьями, пребывавшими вне системы, через III Отделение. Чувства были взаимны. О степени антагонизма свидетельствуют известные строки поэта, обращенные к тому, кто в глазах внесистемной элиты символизировал элиту во власти, - императору: «...твою гибель, смерть детей с жестокой радостью вижу». Трагическим заблуждением внесистемной элиты тех лет, как, впрочем, и в советские годы, было убеждение, что во властной элите, по определению, не могли сыскаться прогрессисты, люди передовых взглядов. Таковых, однако, было немало. Разве что, опять же по определению, действовали они непублично - зато, пожалуй, эффективнее, чем представители внесистемной элиты, ибо могли использовать рычаги власти. Эта часть властной элиты действовала под аккомпанемент элиты внесистемной, при случае доводя до первого лица ее взгляды как отражение настроений в обществе. Этот дуэт сыграл, например, не последнюю роль в инициировании судьбоносных реформ Александра II, в реформаторских попытках советских лет.

Сейчас многие представители элиты внесистемной заняты яростной борьбой с собственными государством. При том что речь сейчас идет о концептуально ином государстве. Не о том, что в течение семи десятилетий яростно боролось с собственными гражданами. А о том, которое виделось этим гражданам на кухнях, после партсобраний. Возможно, что генетический страх граждан перед прежним государством трансформировался среди части сегодняшней вневластной элиты в презрительное, а то и антагонистическое отношение к государству нынешнему. Приходится сожалеть, что эта трансформация не остановилась на стадии оппонирования - естественного состояния внесистемной элиты в любом демократическом государстве. Возможно и то, что поводы для подобных настроений внутри вневластной элиты нередко давало и само государство - своими тягостными ошибками в процессе социально-экономического реформирования страны.

СФОРМИРОВАТЬ БЫ ГРАЖДАНИНА

Формирование демократии, гражданского общества в России проходит негладко, порой - болезненно. Слишком долго в нашей стране человека считали «винтиком», от которого ничего не зависит. Слишком долго приучали «не высовываться», полагаться на патернализм государства.

40

В ходе опросов до 70% респондентов отвечают, что они скорее ожидают получения благ от государства, нежели готовы сами бороться за их достижение. Это идет от свойственной нам «общинности». В отличие от протестантской трудовой этики, нацеленной на индивидуальное достижение результата, нам ближе чувство локтя, главенство духовного над материальным, уважение к державному скипетру. Чрезмерное ожидание благостей от государства, видимо, не ускоряет освоения открывшихся в постсоветские годы возможностей по формированию гражданского общества, члены которого не фетишизируют государство, а оппонировать ему для того, чтобы государство в первую очередь служило обществу, а не самому себе.

В результате в России еще нет самой главной основы, кирпичика гражданского общества - гражданина, активного субъекта общественных отношений, который бы не противопоставлял себя обществу только потому, что в нем его что-то не устраивает, а в меру своих возможностей предпринимал шаги, направленные на его улучшение.

Нравственное состояние граждан не всегда способствует налаживанию взаимоотношений между ними и властью, что, в свою очередь, вредит решению возникающих в обществе нестандартных ситуаций, порою недоступных пониманию людей в других цивилизованных странах. Некоторое время назад власть выдвинула идею создания общественных пунктов охраны порядка. Граждане в качестве добровольных помощников милиции информируют власть о подозрительных изменениях в обстановке по месту проживания. В условиях нарастания террористических проявлений это была бы продуктивная форма взаимоотношений между властью и обществом. Причем - ничуть не посягающих на демократические преобразования в стране: в государствах с устоявшейся демократией подобные неформальные специфические отношения между гражданами и властью, как известно, существуют издавна и работают в интересах спокойствия общества. Однако часть российского общества, особенно правозащитные организации, восприняли идею настороженно, усмотрев в ней возрождение «стукачества». Конечно, в стране, пережившей массовые репрессии, где еще живы граждане, в сознании которых стук в дверь вызывает безотчетный страх, инициатива власти и не могла быть воспринята однозначно. Но атавистическая память некоторых вступает в противоречие с реальностью нынешней России - сейчас граждане имеют дело не с репрессивным государством, граждан не вербуют для идеологического доносительства, власть не рыщет в поисках «врагов народа». Тем не менее в обществе были сильны настроения против выдвинутой идеи. Вот еще один случай, когда элита могла бы выполнить свою просветительскую функцию, сгладить противоречие между властью и обществом по затронутому вопросу и тем самым

поспособствовать ук-

41
реплению собственного государства - приверженного демократическим ценностям.

ОПЕРАЦИЯ «ПРЕЕМНИК»

Другой вопрос, воспринимаемый в обществе неоднозначно, это вопрос об упорядоченной преемственности власти, а конкретно - о том, что зачастую называют поиском «преемника».

Конечно, выдвижение «преемников» с точки зрения этиблированных канонов демократии выглядит экзотично. Преимников, а если точнее, кандидатов в претенденты на пост главы государства, пестуют политические партии. Но никак не государственный институт, каковым является президент, с именем которого ассоциируется его возможный преемник. Тем более что действующий президент не возглавляет какую-либо партию - вот от ее имени он и мог бы выдвигать претендента в кандидаты, который затем должен быть утвержден на партийном форуме. Но действующий президент и не шел на выборы 2000 и 2004 годов под флагом какой-либо партии. В условиях слабой партийной системы это было бы опрометчиво. Как и едва ли рационально было бы для главы государства в нынешней России формализовать отождествление себя с какой-либо партией в ходе своего президентского срока. И все же с точки зрения демократического процесса, реализуемого с учетом национальных (либо сиюминутных) особенностей, поиски «претендента» выглядят не столь уж экзотично. Скажем, Тони Блэр назвал своим преемником министра финансов Гордона Брауна. И после этого у Брауна уже не было конкурентов в борьбе за высшие посты. Могут сказать: Тони Блэр действовал как руководитель партии и назвал Гордона Брауна преемником на роль лидера партии, а не премьера. Но в конкретных английских условиях это тождественно (у лейбористов в парламенте большинство). Найти что-либо по этому вопросу в Конституции нельзя - ее нет.

Так дает трещины реторта, в которой мы и наши западные партнеры хотим возвращать «демократию саму по себе», то есть без эпитетов.

42

МИХАИЛ БАРЩЕВСКИЙ. ЦИВИЛИЗАЦИЯ СУВЕРЕННОЙ НЕ БЫВАЕТ

ЛИДЕРЫ НАЦИИ НЕ ДОЛЖНЫ МИРИТЬСЯ С ДУРНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И МЕНТАЛИТЕТА

Лекция Владислава Суркова вызвала смешанные чувства. Начнем с эмоций. Приятно, что власть наконец сочла возможным с нами разговаривать. Почти отчитываться - говоря о том, что и почему она делает. Главное - почему. Теперь можно спорить. Теперь можно говорить: вы не правы здесь и здесь. Пока власть молчала, можно было сопротивляться, ругать, саботировать. Разговаривать было нельзя.

Сурков - искренен. Это тоже приятно. Его статья - не публикация агитпропа ЦК КПСС, когда авторы сами прекрасно понимали, что несут ахинею. Сурков верит в свою правоту. Поэтому даже если и ошибается, то не лукавит. Это что-то новое в традициях российской (советской) власти за многие и многие годы.

Неприятно, что автор готов смириться с «особенностью» российского народа и менталитета. Хуже того, не видит в этой особенности ничего дурного. То есть вместо того чтобы пытаться понять причины болезни и лечить саму причину нездоровья, Сурков как бы говорит: - это особый тип человека, это не болезнь, просто он - такой. И с этим надо жить. Мне обидно. Я не хочу мириться с мыслью, что я - мутант.

43

БОГАТЫЕ И БЕДНЫЕ

Теперь по сути.

Начну не с начала и не с конца, с середины. Так уж сложилось давно в веках, что по причине огромных просторов, достатка лесов, пашни, зверья, рыбы в реках россиянин мог не заботиться о пропитании. Нет, работать надо было, и много. Это русский человек всегда умел. Но вот бороться за выживание особой необходимости не было. Если здесь тебя сосед «подвинул», всегда можно было отойти подальше и начать там сначала. Парадоксально, но по этой причине, как мне кажется, россиянин издревле привык довольствоваться малым, необходимым и достаточным. Отсюда и извечная неприязнь к богатым. Нигде в других странах, которые сегодня являются носителями «западной» демократии, никогда не было такого негатива в отношении чужого богатства, как в России. Зависть - да, желание украсть - да. А вот «подпустить красного петуха» - нет. Вспомните Разина, Пугачева, октябрьский переворот. Не столько грабили, сколько уничтожали. Не жадные, так «справедливые».

А православие? Разве оно не призывает к смиренному отношению к собственной бедности? А наша отечественная классическая литература? Где, у кого прославляется богатство? Успех? Ну да - толстовский Левин пашет. Но зачем? Разбогатеть? Нет, просто трудиться надо. А зачем трудиться? Просто надо. Другой пример, обратный. Граф Монте-Кристо. Это о чем? Главная идея - понятна и за пределами нашей темы. А вот вторая, подспудная? А это уже о том, что богатство дает возможности! Право и способность наказать зло, восстановить истину, победить негодяев. Приведите мне аналогичный пример в нашей литературе. Более того, а много у нас вообще положительных героев - богатых людей? Где наши «финансист-титан-стик»? Ладно, бог с ней, литературой. История более показательна. Я был потрясен, когда недавно узнал, что все наши Путиловы, Морозовы, Бахрушины, Третьяковы и далее по списку, то есть все те 19 промышленников и купцов, которые явились столпами зародившегося в начале XX века капитализма, были старообрядцами. Вот так-то...

Ладно, это все история. Важно другое. Везде и во все времена бедные, забытые - объединяются. Так проще выживать. Люди моего поколения и постарше хорошо помнят, как сильны были дружеские связи в советские времена. Помогали друг другу доставать дефицит, было с кем поговорить «на кухне», через друзей находили блат, где было нужно. Через друзей же «косили» от армии, ложились в больницы, доставали путевки в Ялту и Сочи.

Богатым (просто зажиточным) это не нужно. Более того, даже обременительно: зачем решать чужие проблемы. Богатые - индивидуалисты. Они сами способны, да, именно способны решать свои проблемы. Дружба видоизменилась. Она стала необременительным приятельствованием. Разумеется, не всегда и не у всех. Остались самые старые друзья, твоя история,

44

родственные души. Но это уже именно друзья (понятие, почти неизвестное иным языкам, кроме русского), а не члены «команды выживания».

Это я к тому, что русский коллективизм, о котором пишет Сурков, - продукт исторической данности. И 10 лет не пройдет,

если только Россия не свернет с капиталистического пути развития, как от «традиционного русского коллективизма» и духа не останется. Согласен с теми учеными-социологами, психологами, физиологами и т.д., которые полагают, что одной из основных черт отличия человека от обезьяны является большая способность к индивидуализму, меньшая потребность жить стаей.

РОЖДЕНИЕ АВТОРИТАРИЗМА

Отсюда и роль царя-батюшки, «доброего барина», правильного секретаря райкома. Если есть зависимый друг от друга коллектив, то ему нужен «разводящий». Если я, ты, он, она живут самостоятельно, в пределах своей территории и на свои деньги - нам «авторитет» не нужен. Нужен только закон и суд. Все остальное мы можем сделать сами. Каждый по отдельности. Вот придет общая беда, общая опасность (Гитлер, бен Ладен, СПИД и т.п.) - вот тогда и только по этому поводу объединимся. А потом опять разойдемся по своим УЮТНЫМ квартирам. А по уютным - не разоидемся. Понимаю, как дико и неприятно это читать. Мы, воспитанные «Тимуром и его командой», Павкой Корчагиным, Павликом Морозовым, привыкли считать, что в коллективе наша сила. Чувствуй! Сила в тебе самом! А если ты сильный и сосед сильный, не централизация власти нужна, а ее законопослушность. То есть не абсолютная сила и власть, а подконтрольная, строго в пределах делегированности полномочий.

Тогда рождаются и институты (то, о чем пишет Константин Ремчуков). Если власть держится на авторитете, то преемник должен быть «круче» предшественника, иначе власть уплывет из рук. Иначе он не авторитет. Так рождается авторитаризм. Это уже не демократия, ни суверенная, ни западная. Значит, если носитель власти стремится сделать общество управляемым, он должен делать все, чтобы оно стало самоуправляемым. То есть сильный правитель стремится избавиться от излишней централизации власти в своих руках. Помните, хороший директор - это тот, при котором завод дает план и в период его отсутствия. Неплохая мысль. Да, бывают моменты в истории, когда НА ВРЕМЯ требуется централизация власти (война, разруха т.п.). Но это чрезвычайные ситуации, а не норма. Останься Путин на третий-четвертый срок - волей-неволей, вне зависимости от своих желаний, - он стал бы авторитарным правителем. А это означает, что зарождение институтов демократической системы было бы приостановлено. Да, кликушествовавшему Александру Проханову третий срок нужен. Он сам не может, не умеет жить поодиночке, не способен. Только вместе, только в борьбе. Кстати, в борьбе не «за», а «против». А может, можно попробовать жить не в борьбе? Просто жить?

45

Кстати, о «просто жить». Сравним сегодняшние США и Швейцарию. У президента США есть «мессианский» дурман - насадить по всему миру демократию. То самое благое намерение, которым устлана дорога в иракский ад для американских солдат. Думаю, что первопричина и сентября - из той же области. Американцам вдалбливают, а администрация свято в это верит, что защита демократии по всему миру - основная цель и задача США. Теперь Швейцария (Финляндия, Швеция и далее по списку). И тамешнее руководство, и сам народ видит свою задачу в другом. Просто хорошо, достойно жить. Никому не помогать, никого ни от чего не спасать. Да, есть общегуманитарные программы (борьба с лейкемией, СПИДом, загрязнением атмосферы), в них можно участвовать. Почему Сурков говорит, что мы должны осознавать какую-то свою мировую роль? Без нее, мол, нашему народу плохо живется. А может, наоборот? Вот тогда, когда мы начинаем «реализовывать» свое мировое значение, народу как раз плохо и живется. Может, в XXI веке попробуем пожить для себя? За тысячелетнюю историю России, думаю, наш народ наконец такое право заслужил.

НЕИЗБЕЖЕН ЛИ ХАОС?

Теперь об отдельных тезисах Владислава Суркова. «В наши дни смещение власти к центру стабилизировало общество, создало условия для победы над терроризмом и поддержало экономический рост». Оставим терроризм в стороне. Не потому, что это малозначимое явление. Просто мне кажется, суть современного терроризма далеко еще не усвоена и не понята. Поговорим об экономическом росте применительно к централизации власти. Вряд ли кто-либо станет отрицать, что на философско-культурологическом уровне, том уровне, на котором рассуждает Сурков, неправомерно делать принципиальные различия между народами России, Украины и Белоруссии. Как-никак тысячелетняя совместная история, общность культур и языка, одни и те же правители и экономические параметры жизни. Так вот, в Белоруссии централизация власти максимальная из трех сравниваемых. А экономического роста... как-то не очень. В Украине - наоборот: центральная власть ослаблена долгоиграющим конфликтом. А экономический рост - выше, чем у обеих соседей. Так что вывод напрашивается ровно обратный утверждению Владислава Юрьевича. Увы!

Следующий и для меня ключевой тезис: «Президент, находясь в центре демократической системы, является гарантом демократической Конституции и сбалансированности разделенных властей - исполнительной, представительной и судебной». С точки зрения констатации факта - правда, истина. С точки зрения целеполагания - ошибка. И это становится очевидным при прочтении следующей фразы: «Нарушение этого баланса, неосторожная и несвоевременная децентрализация ВСЕГДА

(выделе-

46
но мной. - М.Б.) будут ослаблять российскую демократию, порождать хаос и деградацию социальных институтов, структуру демократической власти. Их будут в таких случаях подменять, как уже бывало, олигархические клики и вневенациональные организации». Действительно, если «ослабление» власти президента не будет сопровождаться симметричным усилением власти исполнительной, законодательной и судебной - будет хаос. С этим трудно спорить. Но задача как раз состоит в том, чтобы власть плавно перетекала от президента (что было исторически оправданно в момент написания действующей Конституции) к ее более естественным носителям - правительству, Федеральному собранию, суду. Президент должен быть «над схваткой». Он не должен управлять экономикой, принимать законы, определять меру ответственности того или иного чиновника или крупного бизнесмена. Я не призываю на данном этапе к парламентской республике. Сегодня для России это преждевременно. Но я призываю к президентской республике, а не к прямому президентскому правлению. Мы в этом вопросе сейчас как раз на середине пути. И вопрос выбора направления куда актуальнее, чем даже самые интересные исторические и философские изыскания - кто мы, откуда, почему такие. А то и вправду получим, как грустно шутят некоторые юристы: «Судья в России - меньше чем судья»...

В следующем своем утверждении Сурков, безусловно, прав: «Русскому взгляду свойственна романтическая, поэтическая, я бы сказал, дальновзоркость. Что рядом - покосившийся забор, дурная дорога, сор в ближайшей подворотне - видится ему смутно. Зато светлая даль, миражи на горизонте известны в подробностях. Уделяя больше внимания желаемому, чем действительному, такой взгляд на вещи приводит к поискам единственной правды, высшей справедливости». Прервем цитату на время. Готов поспорить, к чему такой взгляд приводит. По-моему, к совсем иному. Когда в России становилось особенно много «сора в ближайшей подворотне», те, кто действительно видел горизонты (в технике, спорте, искусстве, науке), из страны уезжали. Туда, где поменьше сора, дурных дорог и т.д. Как раз сейчас, когда «дороги» подлатали, наблюдается обратный процесс. Так что я бы не стал восхищаться тем, что дурно. А дальновзоркость, кстати, не что иное, как болезнь. А не симптом избранныости.

Возобновим цитату: «Этот поиск своей, особенной правды, потребность жить своим умом заставляет действовать подчеркнуто самостоятельно. Вся история России от Ивана III - манифестация интеллектуальной независимости и государственного суверенитета». Погодите, погодите! А англичане, французы, немцы - разве они интеллектуально зависимые нации?! Или у них не было стремления к государственному суверенитету?! Да нет, наоборот. Все их войны между собой по

большому счету как раз и сводились к попыткам навязать свой интеллектуальный образ и/или подавить государственный суверенитет соседа. Так что и здесь мы никакие не особенные, а просто нормальные.

47

ПРО КАРТОШКУ

А вот в чем Владислав Сурков абсолютно прав, так это в следующем: «Что до нашего идеализма, то без прагматического заземления, в неохлажденном виде он в повседневном применении ненадежен, а иногда и опасен». Подписываюсь, согласен! И вывод автор доклада делает не только правильный, но и практически значимый: «Присущий нашей политической культуре примат целого, общего над частным, идеального над прагматическим приводил не однажды в нашей истории к пренебрежению такими «частностями» и «подробностями», как жизнь человека, его свобода, достоинства и права. А охранительные и патерналистские настроения, чрезмерно усиливаясь, подавляя активную общественную среду, приводят к дисфункции институтов развития».

Но вот последовавший из сказанного вывод Суркова меня категорически не устраивает. По существу, Владислав Юрьевич призывает смириться с данной сущностью русской политической культуры и проводить лишь те реформы, которые будут ей, этой культуре, приемлемы. (То есть, между прочим, сохраняя за властью право на пренебрежение теми самыми «частностями» и «подробностями», которые сам же и перечисляет.) Это, полагаю, концептуальная ошибка. Позволю себе, как ставший героем народного эпоса Василий Иванович Чапаев, объяснить свою мысль на картошке. Наличие того или иного продукта в рационе людей определяет их культуру питания. Так вот, если кто-то забыл «картофельные бунты», напомним, что в российскую культуру питания картофель никак не вписывался. И бунты были как раз из-за того, что разумная, просвещенная власть пыталась эту «культуру» скорректировать. А теперь картошка - наш национальный продукт. Уж простите мне такую приземленность, я понимаю, вы - о высоком, а я - про картошку. Но правители, в том числе интеллектуальные лидеры нации, я думаю, должны не мириться с тем, что есть, а идти вперед наперекор этому. Тогда они становятся историческими личностями и, собственно, политиками, а не проходными персонажами. И тот же Путин вне зависимости от общей оценки его деятельности стал политиком не только национального, но и мирового масштаба, нарушив многие традиции. (Один только звонок Бушу и сентября чего стоит!)

Опасаясь быть заподозренным в соглашательстве, но не могу не процитировать еще одну фразу: «Консолидация, централизация власти была необходима для сохранения суверенного государства и его разворота от олигархии к демократии. Но уже сегодня и тем более завтра она может быть оправдана лишь в той степени, в какой служит целям перехода России на следующую ступень, на качественно новый уровень цивилизации».

«Правильным путем идете, товарищи!» Только давайте вместе. И побыстрее.

Да, кстати, хорошо, что в одном мы с автором полностью совпадаем - цивилизации «суверенной» уж точно не бывает...

48

АНАТОЛИЙ СТРЕЛЯНЫЙ. ПЛАВАЮЩИЕ ДИСКУРСЫ

МОЖНО ГОВОРИТЬ О ЧЕМ УГОДНО, ДАЖЕ О «СУВЕРЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ» В РОССИИ, НО ЖЕЛАТЕЛЬНО ВСЕ ДОГОВАРИВАТЬ ДО КОНЦА

Владислав Сурков, один из ответработников кремлевской администрации, учреждения неконституционного, но стоящего выше правительства, с некоторых пор увлекся политическим философствованием на злобу дня. Так, Андропову однажды понравилось стихотворство, и с тех пор генерал не оставлял этого занятия, кажется, до последнего вздоха. Правда, он не печатал своих стихов, тем более что любил рифмовать матерные слова. У него был не читатель, а слушатель - помощник Крючков, ему-то шеф, бывало, и оглашал свои сочинения в конце рабочего дня.

Свои мысли Владислав Сурков стал обнародовать в виде докладов, лекций и «параграфов». Лекция, прочитанная им в президиуме Российской академии наук, называлась «Русская политическая культура. Взгляд из утопии». Побывал он и в Институте философии РАН, где признался, что ему «нравятся «переливающиеся» тексты и игровая культура», а также «плавающие дискурсы», которым он пока предоставляет «попарить над поверхностью». От присутствовавших там журналистов публике стало известно, что многие ученые не только читали сурковские «Параграфы про суверенную демократию», но и перечитывали, составляя рефераты, один из которых был преподнесен автору. Заседание вел сам директор, академик Гусейнов, сказавший, что в истории института

49

это вторая встреча философов с властью на их территории. Первая была в 1947 году, тогда к ним приезжал член Политбюро Жданов.

После некоторого колебания в дискуссию о «плавающих дискурсах» включились такие авторы, как Георгий Бовт, Константин Ремчуков, Михаил Барщевский и др. «Главной заслугой Суркова-идеолога, - написал Бовт, - можно признать его неустанные попытки скрестить демократию (через определение «суверенная») с русской исторической и культурной традицией. Даже частичные успехи на этом поприще можно признать философским подвигом». Еще более щедрым оказался Ремчуков, заявивший, что Сурков является тем самым деятелем современной России, который отстраивает «политическую систему страны в соответствии со своим видением». Ремчукову «совершенно понятно», почему Суркову это удается, в чем «источник силы» замглавы путинской администрации «как практика». Дело в том, что Сурков, мол, не только генерирует идеи, но сам их исполняет, что является «важнейшим условием эффективного управления преобразованием политического пространства России». Так было, напомнил автор, с Маргарет Тэтчер, которая «смогла реформировать Британию именно потому, что была и генератором идеи, и ее исполнителем».

ГЛАВНЫЙ ЗАПРЕТ

Люди, короче, решили, что о путях России с ними говорит сама власть, чего они уже не чаяли, томясь в неизвестности о ее резонах и видах. И не просто говорит, а приглашает к обмену мнениями, позволяет с собой спорить и даже признается, что не в каждом своем слове до конца уверена. Воспользовавшись этим, они, выразив приличествующие восторги и благодарности, дали все-таки понять (и довольно дружно), что перед ними, по их мнению, - отсебятина плохо начитанного любителя, которого пленяют, как сельского грамотея, приходящие ему на ум мудреные слова и обороты. («Не так уж важно, стала ли российская модель централизованного государства следствием «моноцентристского» архетипа национального бессознательного».)

Изложив свою концепцию суверенной демократии, подчеркнув, что его текст «персонифицирован, поскольку интерпретирует курс президента Путина», Сурков вдруг делает такое признание, что читателю ничего не остается, как, по слову Солженицына, сидеть и долго трясти головой: «...эта концепция представляется весьма

идеалистической, может быть, даже утопической». Как-то трудно представить себе кремлевского уполномоченного, который битый час осведомляет и наставляет ученое собрание, а потом вдруг говорит, что все им сказанное - утопия. Хороша была бы власть, которая принялась бы объяснять народу, почему она пошла на такое суровое дело, как подморозка послеельцинской России, а под конец со всхлипом призналась, что терзается

50

столь глубокими сомнениями. Власть, которая вслух сомневается, той ли дорогой она ведет страну, - это нелепость, которой никогда нигде не было, нет и быть не может. Для сомнений существуют щелкоперы, «пикейные жилеты» и оппозиция.

Вряд ли этого не видят такие тертые мужики, как первые участники вызванной Сурковым «общественной дискуссии». Так что, когда идеолог путинизма оставит свое поприще, они, несмотря на все приятное, что успели ему наговорить, не будут себя чувствовать, как руководство и актив города Н. после отъезда Ивана Александровича Хлестакова.

Не кто иной, как они, Бовт, Ремчуков, Барцевский и др., не сговариваясь, сразу отметили, что Сурков избегает прямо признать главное. «Должность не позволяет», - добродушно ухмыльнулся один из них.

Надо ли кому-то объяснять, что представляет собою тот главный запрет, который в России испокон веков налагает на человека должность?

ЧТО ПОНЯТНО ДУРАКУ

Что хочет сказать Сурков? Он хочет сказать, что нынешняя власть в России такая, какой она только и может быть, поскольку в точности соответствует «духу народа» (это Пушкин; Сурков употребляет слова «политическая культура»). Суть - в централизации, кремлевском единоначалии. Об этом с ним можно было бы долго и уважительно говорить, если бы он прямо констатировал альфу и омегу. Закон - что дышло. Властью, чью адекватность России трудно отрицать, нарушаются, когда ей нужно, все писанные законы и установления. Обозначено в меню, а в натуре нету.

Вот здесь-то и мог бы начаться содержательный разговор, к которому призвала «Независимая газета».

И разговор не о том, друзья, почему власть в России является первым правонарушителем, это и дураку понятно, а о том, почему в ней такие законы, без попрания которых ни власть, ни ее подданные не могут ступить шагу. Последнее, правда, тоже и дураку понятно, но перекинуться парой слов было бы, пожалуй, интересно.

Ну действительно. Зачем принимались и продолжают приниматься законы, о которых все заранее знают, что исполняться они не будут? Если мы суверенная демократия, если нам не указ ни Запад, ни Восток, ни Север, ни Юг, то что нам мешает прекратить эту игру? Почему бы нам не завести такие законы, которые наверняка будут выполняться и властью, и подавляющим большинством населения? Как еще может быть реализовано природное право народа самому решать свою судьбу? Великое же дело: дать стране законы, которые укоренены в ее истории, традициях, привычках, понятиях, законы, которые она понимает головой и принимает всем сердцем, почему и будет исполнять охотно, почти автома-

51

тически! Идешь за справкой в ЖЭК - носи коробку, хочешь открыть свое дело - носи конверт.

Это ведь жгуче интересно: сесть с карандашиком в руке и попытаться представить себе, какие же в самом деле законы могли бы работать в России.

Ясно, что первым же законом пришлось бы признать ту реальную власть, которой сегодня негласно и полугласно пользуется президент. Легко представить себе и второй закон - об администрации президента. Почему не записать то, что есть: что законы разрабатывает и издает кремлевская администрация и/или уполномоченные ею лица и учреждения? Зачем давать пищу злопыхателям, пустившим в народ выражение «Басманное правосудие»? Взять да и записать: суд и расправу вершит Кремль и/или уполномоченные им учреждения и лица... На языке вертится и третий закон, который с большим удовольствием одобрило бы народное большинство, - о ненужности парламента.

В ШКОЛЕ УЧАТ...

В школе учат, что в праве отражается и закрепляется общественная практика. Вон и перуанские глашатаи «инога пути» в свое время потрясли воображение самых почтенных землян тем, что показали, как выгодно однажды узаконить теневую общественную, прежде всего экономическую практику народных масс, что это - более того! - единственный способ постепенно покончить-таки со слаборазвитостью третьего мира.

Так почему не узаконить ту практику, что сложилась на сегодняшний день в России как итог ее уникальной истории? Известно, например, что на пространстве от Балтики до Чукотки раскрываются практически все преступления и торжествует принцип неотвратимости наказания. Правда, наказываются виновные, по большей части, рублем. Откупаются от ментов, откупаются от налоговиков, откупаются от прокуроров, откупаются от судей... даже, бывает, - от журналистов. Так пусть лучше несут свои деньги в казну!

Или зачем, например, перенимать западное законодательство о неправительственных организациях, если все прекрасно понимают, что делается это не для того, чтобы его исполнять, а чтобы компетентным органам было сподручнее держать их под надзором? Почему не узаконить существующий порядок, с которым тоже решительно согласно народное большинство? Почему не написать прямо и просто: вся деятельность этих структур направляется с Лубянки?

Ну кто мешает поставить ребром и обсудить со всех сторон вопрос об упразднении всех видимостей, всех мнимых институциональных сущностей? Сама постановка такого вопроса была бы событием исторической, если не всемирно-исторической, важности. Один только при-

52

зыв: давайте, люди добрые, опустимся на нашу грешную землю и сделаем так, чтобы те законы, от которых мы не увливаем, остались, а те, которые существуют только на бумаге... да вычеркнуть их к чертовой матери, чтобы не мозолили нам глаза и не травмировали душу! - один этот призыв вызвал бы всенародное ликование. Аль

нет?

Понятно, что к этой небывалой законодательной работе надо было бы отнестись творчески. При всем уважении к общественной практике следовать ей не слепо, а с умом. Некоторые законы пусть бы шли чуть-чуть впереди, закрепляя наиболее прогрессивные, хотя и зачаточные, тенденции, - тащили бы нас, как говорится, вперед и выше, но именно чуть-чуть, чтобы попусту не напрягать людей.

Забыл о Конституции. Конечно, лучше всего было бы в угоду сложившемуся положению и народному настроению отменить ее, с тем чтобы в текущем столетии к ней не возвращаться. Но это, видимо, не получится, так что придется принять новую - новую, но прямую, как штык, и откровенную, как публичная казнь.

И ХВАТИЛО

Такую вот дискуссию мог бы невольно возбудить кремлевский философ, и она была бы замечена многими школьными учителями, которые использовали бы ее в учебно-воспитательном процессе. Ведь школьники все-таки не очень ясно понимают, почему тот же Путин утверждает, что он чистый демократ, хотя его и такого, каков он есть, народ охотно приемлет. И почему такой неробкий человек, как Александр Лукашенко, рядится в ту же тогу, хотя уж ему-то, кажется, терять нечего - мог бы спокойно закончить свою президентскую службу тем, с чего начал, когда заявил, что гитлеровский порядок - как раз то, что нужно Белоруссии. И почему даже вождь Северной Кореи делает вид, что в стране идеальное народовластие - что народ, следовательно, сам обрекает себя на голод и всяческое прозябание (по известному счету так оно, впрочем, и есть)...

Но чтобы такая дискуссия состоялась, другим должен был бы быть состав участников - президиума Российской академии наук, Института философии той же академии, Общественной палаты и т.д. и т.п. Дискутировать должны были бы свободные люди, а не те, что сегодня часами с серьезным видом выслушивают детский лепет номенклатурщика.

Для бесповоротного искоренения советского свободомыслия Сталину потребовалось примерно 10 лет - от прекращения нэпа до «завершения создания основ социализма». Путину - для искоренения после-советского свободомыслия - потребовалось примерно столько же. При Сталине кровь лилась потоками, страна покрывалась зонами. При Путине посажен какой-то десяток, сотню-другую как следует припугнули, тысячу-другую - прикупили. И хватило. Миллионам, правда, позволили

53

покидать страну. Не значит ли это, что и Сталин мог бы обойтись более мягкими мерами, что на важное дело перевоспитания народа наложился-таки отпечаток его патологической личности, как считает, к примеру, неуважаемый отец Михалковых?

БЕЗ ВСЯЧИНКИ

Наконец, ради справедливости надо сказать, что можно представить себе и по-настоящему серьезный разговор о путинизме - без полемических заострений.

Сурков увлеченно, как на своей, настаивает на мысли, которой пронизана уже Библия: что прошлое неумолимо определяет настоящее. Богаты мы еще из колыбели ошибками отцов и поздним их умом... С этим спорить не приходится, как и с тем, что политический режим должен быть, по идее, таким, до которого доросло население. Но тут возникают вопросы, которые могут иметь не только теоретическое значение.

Почему Южная Корея - это Южная Корея, а Северная существует только потому, что ей не дают погибнуть с голоду Китай и американцы? Ведь и там и там - корейцы, продукт одной истории.

Почему Западная Германия - это Западная Германия, а Восточная - отстойник испорченного человеческого материала, как говорят сами немцы?

...Или почему при Ельцине русский человек выглядел все-таки как свободный русский человек, пусть и со всячинкой, а сегодня - как путинист без особой всячинки?

54

ВЛАДИМИР ЖИРИНОВСКИЙ. СТРАНА ЖИВЕТ ПО ПОНЯТИЯМ И ЭТО НЕ ВСЕГДА ПЛОХО: СМОТЯ КАКИЕ ПОНЯТИЯ

Выступление заместителя главы президентской администрации Владислава Суркова поставило много важных вопросов, без обсуждения которых трудно понять современный политический контекст. Важность кремлевских оценок в том, что это оценки практикующих политиков - такова наша политическая реальность сегодня. Может, в будущем картина изменится, а сегодня она именно такова. И еще: никто, кроме Суркова, сегодня не артикулирует главных направлений, в которых пойдет развитие страны в ближайшей перспективе. Да и в более отдаленной тоже. Уже одно это обстоятельство привлекает внимание и требует отклика.

СУВЕРЕННАЯ - ЗНАЧИТ НЕЗАВИСИМАЯ

У нас много может быть точек зрения по определениям и понятиям. Вполне может быть такое понятие, как «суверенная демократия», но лучше это назвать по-русски - «независимой демократией». Потому что много стран с демократическими режимами, там спокойная обстановка, регулярно проходят выборы... Там происходят изменения, но они полностью зависят от определенных сил. И трудно считать, что эти страны высказывают свое независимое мнение. Вот «Не-

55

зависимой газете», например, выгодно слышать авторскую речь. Но бывает, что специалисты и эксперты пишут тексты, которые идут под фамилиями Миронова, Зюганова, Рогозина - но это не их позиция! Вот то же самое и в демократии: есть государства, которые что-то поддерживают... Но это не их подлинное мнение, а

чужое. Поэтому можно добавить к нашей демократии: мы стремимся, чтобы демократия была независимой. Естественно, она не может быть российской, английской, британской... Это же противовес тому, что была советская демократия - такого понятия нет в мире.

Хочу еще заметить: демократия, основанная на лжи и на деньгах, не может быть независимой. Идеальный вариант - добиться, чтобы внутри каждой страны демократия была по-настоящему независимой. Теперь - ближе к вопросу, связанному с российской спецификой. Конечно, у нас есть своя специфика - Россия находится на стыке двух континентов, и мы хотим быть европейцами. Но на нас давит азиатский капитал, мы включили в себя много народов азиатского происхождения и граничим в основном с азиатскими странами, процентов на 70. Большая часть территории находится в Азиатской части. И очень суровый климат: 2/3 страны не пригодны для проживания. Но мы должны эту территорию отапливать, освещать, содержать и кормить живущих и работающих там людей, и это имеет большое специфическое значение для экономики. Наша экономика - самая дорогая, она требует огромных затрат и резко понижает нашу конкурентоспособность. Если взять, к примеру, Нидерланды и Бельгию, то географически они расположены рядом - и экономические показатели у них тоже близки. Если у Нидерландов какие-то показатели лучше, то это потому, что они лучше умеют это делать. Нам с нашей географией трудно сопоставить наши показатели с Европейским континентом.

Но независимо от этих четырех важнейших факторов - география, климат, история, азиатская составляющая - все равно у нас вполне могут быть все европейские стандарты для демократии. И сегодня они есть. Мы уже 20 лет имеем многопартийную систему, многоукладную экономику, у нас регулярно - и даже в большем объеме - проводятся выборы. Но: есть типология населения, которое долго жило при царском режиме. У нас был хороший пример - выступление декабристов. Мы могли перейти к республиканской форме правления или к ограниченной монархии еще в 1825 году - на 20 лет раньше, чем европейские страны. История показывает: хорошие, демократические идеи зарождаются в России. Когда в середине XIX века в Европе прошли буржуазно-демократические революции, мы уже ее испытали - в 1825 году. Конституция и многопартийность появились у нас уже 100 лет назад. Но не удержалась страна - и мы перешли к советскому режиму. Это затормозило процесс.

56

РОССИЯ - СТРАНА КРАЙНОСТЕЙ

В этом смысле очень важна мысль Владислава Суркова о русском идеализме. Я много раз говорил: мы ведем себя как дети! Нам обязательно нужно, чтобы был кто-то, кому мы будем безоговорочно верить. Или, наоборот, - полное безверие! Царю, к примеру, верить очень долго, а потом с большим удовольствием его расстреляют, никто не протестует. Советской власти верить долго, любят, потом с удовольствием с ней прощаются. Россия - страна крайностей, и наша задача в XXI веке от этих крайностей отойти, чтобы у нас никогда не было тоталитарной структуры и анархии. Но Западу невыгодна настоящая демократия в России. Мы к 1985 году имели огромный потенциал и могли сделать рывок в рамках советского режима - это пугало Запад. Сегодня, в рамках общеевропейских стандартов, у нас тоже есть все возможности для рывка, и это им не нравится. Им нужна другая демократия для России, которая позволяла бы и дальше расчленять страну, и дальше способствовать тому, чтобы обогащалась меньшая часть населения, чтобы начинались межэтнические конфликты. В этом плане мы сталкиваемся с нежеланием Запада замечать улучшение дел в России, что, конечно, вызывает у нас отрицательную реакцию. Как только появляется что-то положительное, Запад резко меняет оценки. Они, напомним, с удовольствием поддержали большевиков, несмотря на наши договоренности при царе.

В XIX веке в России было меньше всего заключенных - по сравнению с Европой. И очень много было таких институтов, которые сейчас называются институтами гражданского общества. Если бы все это продолжалось, мы были бы первой европейской страной. Но нам мешали - отнюдь не случайно - те войны и революции, которые устраивала Европа. Это все тормозило развитие нашей страны по пути демократии - и это делал Запад, а не мы.

ПАРТИИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ КАК ЛАЦКАНЫ ОДНОГО ПИДЖАКА

Теперь о партиях, которые, по мысли Владислава Суркова, «должны избирателей разделять, а народ соединять». Это правильно. Но нужно расшифровать: должны быть разные политические партии, за исключением крайних левых и крайних правых. Не должно быть «Трудовой России», АКМ, КПРФ - пускай будет социалистическая партия, социал-демократическая... И тогда мы будем иметь разные подходы, разные взгляды, позиции. Но партии не должны выступать за разрушение страны и за разрушение экономики! Партийная пропаганда в целом должна иметь конструктивную направленность. А когда коммунисты вот здесь, под окнами Думы, 23 февраля призыва-

57

ют к вооруженному восстанию - это не соединяет народ, а разъединяет. А ДПНИ провоцируют конфликты: Кондопога, Сальск, Москва, Воронеж, Петербург - кровь, убийство... Народ нельзя доводить до крайности.

Это о том, что разъединяет. Но партии предназначены действительно соединять граждан. И это вполне возможно. Чтобы народ чувствовал себя единым социальным организмом в единой стране России. У нас могут быть нюансы, но различие между партиями должно быть таким, как в мужском костюме: однобортном или двубортном. Я, например, за однобортный, а, допустим, ЕР - за двубортный костюм. Я за две пуговицы, а они говорят - давай три или четыре и т.д.

Не все это понимают. Допустим, сейчас какая-то партия высказала желание ввести дополнительный налог на роскошь, и определенное количество граждан поддерживает. Надо им объяснить, к чему это приведет. Дорогие вещи будут покупать за рубежом и там их держать, мы потеряем деньги и никакой пользы себе не принесем. Чтобы эти люди поняли, что желание завоевать симпатии избирателя таким образом - удар по экономике. Если будут запрашивать данные о банковских счетах, люди будут держать деньги под подушкой или за границей. У нас сегодня уже 100 миллиардов долларов под подушкой, а 500 миллиардов - за рубежом, у нас триллион гуляет из-за того, что нет гарантий. Можно еще десятки налогов ввести, но мы омертвим экономику. Экономика требует свободы. Лучшие умные люди из России уехали, живут за границей, там тратят деньги, там приобретают недвижимость, там учатся, лечатся, живут, рожают там детей, мы теряем страну, потому что они боятся тех

партий, которые выдвигают преграды для свободного развития экономики.

Очень важна мысль о разъединении: у нас сейчас опять делают стенку - давайте разоблачать богатых, давайте их презирать. Это все вызывает социальную напряженность. Надо говорить: давайте все станем богатыми! Сегодня третий режим уже - демократический, и есть люди, которые добились чего-то, а другие - не добились. Они бегали, прыгали, играли в футбол, пили, курили, гуляли, и в 40 лет у них нет ничего. И он орет на улице: давай ресторан, коттеджи, машины! Я ему говорю: ты посчитай, сколько ты прокурил, ты 30 лет куришь, ты прокурил машину, а сколько ты пропил? Ты пропил дом свой. В школе ты учился на тройки? Приезжают люди в деревни, начинают строить фермы, а им свинарники поджигают, потому что местные жители ничего не хотят делать. Ненависть к успешным людям, ненависть к тому, кто хочет работать.

Сегодня я веду борьбу в парламенте, чтобы он не превращался в нотариальную контору, чтобы была широкая дискуссия - но председатель парламента этого не понимает. И никто его не критикует за это. Разве это правильно? Мы каждый день критикуем Грызлова и

58

членов «Единой России», которые ведут заседания, - они постоянно сворачивают любую дискуссию. Но народ об этом не знает. Люди говорят: мы вообще не знаем, что вы делаете в парламенте.

О РУССКОМ ИДЕАЛИЗМЕ

Абсолютно правильной выглядит мысль об идеализме русского человека. Это связано с историей: 300 лет Россия играет мессианскую роль, роль носителя какой-то идеи и ее воплощения. Мы ведем войны со Швецией, потом 30 раз воюем с турками - нам эти войны были не нужны, но русские солдаты воевали за какую-то идею, им говорили: это надо, мы спасаем Европу. И так 300 лет люди воевали за царя, за какие-то идеи, которые не связаны были с реальной жизнью. Русскому человеку не давали возможность стать богатым, подумать о семье, стать прагматиком. Он все время боролся за какую-то идею. А советская власть - сплошная была идея: даешь мировую революцию! Даже в Европе это чувствуется: в Южной Европе католики живут хуже, а на Севере протестанты живут лучше, потому что они прагматики. Север работает, Юг гуляет. Юг - идеалисты, на севере - прагматики. А русский народ - весь идеалист. Все наши сказки: ковер-самолет, скатерть-самобранка...

Это все вредит нам, создает миф, что мы самая героическая страна. Это очень опасно, это мешает заниматься реальной жизнью. Человек должен сам полюбить родину, а мы ему навязываем: ты должен любить! Нигде в мире нет понятия «мать-героиня»: это издевательство над женщиной, она рождает 10 детей, не спит 20 лет своей жизни, и это подвиг? Это издевательство, это уродство.

РУССКИЙ КОЛЛЕКТИВИЗМ - МИФ

Реально нет никакого коллективизма, но он культивируется, воспитывается на всех собраниях, в трудовых коллективах. Меня в 9-м классе осуждали за то, что я целовался с девочкой из другого класса. И классный руководитель сказала, повернувшись спиной к классу: посмотри, как они проголосуют. То есть вроде без ее влияния. И они проголосовали: осудил меня коллектив за то, что я целовался с девочкой из другого класса. Вот это и есть попытка навязать волю коллектива. Как раз наоборот: везде у нас играет гораздо большую роль индивидуализм. Колхозы в Израиле до сих пор эффективно работают, а у нас они рухнули - потому что были созданы искусственно.

Я бы добавил: русский индивидуализм дополняется, к сожалению, постоянным ожиданием чуда от руководителя. Очень много здесь ложного, нам нужно от этого отходить, чтобы человек чувствовал, что первична личность. И если мы ее подавляем, зачем нужен та-

59

кой коллектив? Если мы постоянно воюем, зачем нужна такая жизнь? Нужно воспитывать именно желание спокойно жить: тебе решать, какая у тебя семья, сколько у тебя детей, какие у тебя доходы, все ты лично должен решать... Тогда будет успех. Но мы все ждем, и многие люди не думают, не работают, они ждут, когда вопрос будет кем-то решен и что-то будет реализовано.

Многое из того, что сказано Владиславом Сурковым, мы говорим на съездах ЛДПР. Это мои позиции. Это позиции ЛДПР, мы говорим об этом 20 лет - откройте любую нашу книгу... Например, вот это: «Режим легитимизирован в глазах большинства населения, а потом, после смерти вождя - десталинизация, вынос тела, переписывания учебников». Или его мысль о централизации. Если мы хотим сохранить страну хотя бы в том размере, который имеем сейчас, мы вынуждены это делать. Если централизация нас с вами не устроит, мы будем каждые 30 лет терять часть территории, и тогда Россия превратится в Московскую республику. Тогда сразу заработают в полном объеме все брюссельские стандарты, но у нас не будет нашей страны. Вот этого многие никак не могут никак понять. Многие демократы предлагали вообще разделить страну на 40-50 государств. Слишком разную страну нужно чем-то сцеплять.

С трудом уживаются даже два народа, у нас их больше ста. В этом проблема. То есть у нас есть внешнеполитический фактор, Запад мечтает о дальнейшем расчленении России, и, Владислав Сурков прав, им нужны наши природные ресурсы. Из-за этого встает вопрос о централизации, связанный прежде всего с безопасностью. В этом смысле я вынужден согласиться с усилением централизации. Централизация мешает демократии, но без нее мы потеряем страну. Нам нужно найти компромисс.

Этой проблеме 300 лет. Всегда нужны были природные ресурсы, только они. Жили бы мы как поляки, а единственное, что там есть, - уголь, и все, была бы полная тишина. Но наши природные ресурсы нужны, и сейчас все это будет обостряться, потому что у нас 30% мировых запасов. И добавится еще один важный фактор - климат. Опять к нам будут идти, потому что у нас прохладно, у нас холодно, а те, у кого потепление +56...+60, - им единственный путь на север. Поэтому мы будем всегда окружены теми, кто будет желать нашего ослабления. Вследствие этого мы вынуждены принимать меры для укрепления страны, а они волей-неволей отражаются на демократии.

Но пройдет 20-30 лет, новое поколение все воспримет, и никто не сможет нас критиковать, даже в условиях такого недружественного окружения. У нас не будет антигосударственных партий, таких как коммунисты или

ДПНИ. Партии будут отличаться нюансами, выборы будут проходить спокойно с максимальной явкой населения, при максимальной прозрачности. Но сейчас мы на себе несем груз совет-

60

ского периода, поэтому у нас есть еще определенные проблемы и сложности.

Мы ни в коем случае не должны снова закрывать нашу страну. В чем была беда коммунистов: они делали ставку на производство. И об этом ЛДПР говорит уже давно, но избиратель этого пока не понимает. Избирателю сегодня нужны иные вещи: завтра увеличим пенсию в пять раз, послезавтра получишь квартиру, послезавтра в армии не будешь служить, и всех твоих врагов посадим в тюрьму - вот такой примитив. Разве так ведут избирательные кампании за рубежом? Там спорят по ставке налога, по уровню банковской процентной ставки за кредитование, а мы все еще там, в прошлом. Революция в умах продолжается - и нередко выплескивается на улицу.

Теперь насчет личности, которая вытесняет институты власти. Это плохо, это не нормально. Если вся страна три года обсуждает, кто будет президентом, это сумасшедший дом: еще выборов-то нет. В Швейцарии каждый год меняют главу государства, и никто не знает, кто президент Швейцарской конфедерации, и никто не обсуждает проблемы этой конфедерации. А у нас - остатки феодального общества, упор на личности. Кто вам сказал? А, это Кремль говорит, значит - это главное, значит - будем бороться. Идеальный вариант: спустить вниз демократию, деньги, теорию, чтобы это граждане говорили, спорили, чувствовали и понимали. Плохо, если опять будет вождь и под него будут все подгонять. Я противник, чтобы кто-то один решал за всех. Это унижает людей, это мешает нашему развитию. Этого нет в Америке и в Европе, поэтому они развиваются лучше, быстрее и качественнее. У нас же все решает личность, уже назвали: «курс Путина». Потом будет «курс Иванова» или «курс Медведева» - это опасно. Нельзя, чтобы один человек решал судьбу всей страны.

Поэтому плохо, что у Владислава Суркова принижено значение партий. Конечно, это можно понять - в свое время мы все устали от огромной неповоротливой КПСС. Но реальные дееспособные партии уравнивают централизацию власти. Это и есть тот компромисс, который позволит нам и усилить страну, и сохранить демократические институты.

61

АЛЕКСЕЙ МАЛАШЕНКО. ОТ СУСЛОВА ДО СУРКОВА

У ОХРАНИТЕЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТЭЛИТЫ НАСТОЯЩЕЕ БЕЗОБЛАЧНО, ЗАТО БУДУЩЕЕ НЕПРЕДСКАЗУЕМО

На фоне размышлений над текстами о российской политкультуре, созданными замглавы президентской администрации, полезно также порассуждать не только о мыслях политика, но и о самом факте их появления.

В чем причина востребованности Суркова как создателя постпост-коммунистической идеологии, фактически разрабатывающего еще одну «национальную идею»?

Во-первых, его творчество необходимо для правящего класса, который при всем цинизме, помноженном на безнаказанность и коррупцию, нуждается в самоосмыслении, самоидентификации. Представители этого класса хотят «написать ту Россию», которая им по сердцу больше подходит и... «которую они еще не потеряли» (все же молодец Говорухин!).

Во-вторых, востребованность в сурковском феномене - фактор позитивный: власть чувствует, что ей как-то нужно объясниться с народом. Если бы *vox populi* совсем был равен нулю, не надо было бы так пыхтеться с рейтингами и суетиться на выборах. Постсоветский люд поразговорчивее и посмышленнее советского. С ним надо общаться, в том числе в режиме on-line. А для этого инструктора райкома уже мало.

Раньше было проще - повесили на уши марксистско-ленинскую лапшу, и точка! Впрочем, нынешние аналитические скрипты, не-

62

смотря на эмоциональный настрой их авторов, почти не отличаются от ветхозаветной программы «Ленинский университет миллионов». (Замечено, что почти все старатели дубовой отечественной политтехнологии по уровню интеллекта на полверсты недотягивают до своего патрона.)

В-третьих, замглавы администрации не надо было бы выращивать концепции, если бы он не понимал, что «что-то идет не так» и в этом нужно разобраться. Следовательно, власть и сопутствующие ей эксперты вынуждены думать (не у всех, конечно, это получается).

В-четвертых, полемизируя с Сурковым, его оппоненты в каком-то смысле спорят с Путиным. С этой точки зрения в сурковских выступлениях, а теперь еще и лекциях можно узреть (если очень захочется) своего рода признак ненаступления тоталитаризма.

Ну скажите, можно было критиковать Михаила Андреевича Суслова (напомню для молодых - главного послевоенного идеолога СССР)?

Сопоставление пришло внезапно. И показалось оправданным и даже не смешным.

Оба - официальные идеологи. Оба оправдывают власть.

Правда, на этом сходство почти кончается.

СУРКИЗМ

Тов. Суслова звали «серый кардинал», и долгое время был он вторым лицом в государстве, а главное - в Партии. Что такое сейчас № 2 в «Единой России»? Тьфу, простите за выражение. Под каким номером идет Сурков, сказать трудно.

Суслов всегда был стар, даже когда был молод. Он был чужд любой новизны, служил охранителем, классическим марксистским фундаменталистом. Знал наизусть Ленина и, кажется, больше ничего не читал. Впрочем, в какой-то степени его можно зачислить и в модернизаторы: он проповедовал марксизм как антитезу российской добольшевицкой традиции.

Суслов не любил интеллигентов, умников и художников. Это был идеальный «человек в футляре», достигший вершин политики, по которой он топтался в калошах и в широкополой шляпе.

Сурков молод. Он оскорбится, если его назовут догматиком. Считает себя не интерпретатором, но творцом. Причем творцом-новатором. Он любит музыкантов и не чужд умного чтения.

Под речи Суслова засыпали президиумы съездов КПСС, его труды не прочитывались в московских и иных райкомах. Как заметили авторы книги о главном советском идеологе Рой Медведев и Дмитрий Ермаков, 100-тысячный тираж его двухтомника не разошелся два года.

Господина Суркова читают с интересом. Широта его кругозора и живость стиля вообще несопоставимы с сусловской манерой письма.

63

Суслов выступал от имени народа. Сурков - от лица правящего класса, причем не всего, а только его определенной части, но главное - от себя самого.

И, наконец, во времена оны мне бы и в голову не пришло писать столь легкомысленно о члене Политбюро. А теперь о замглавы администрации - пожалуйста: вот она, демократия, хоть и суверенная.

Отличие столпа путинианства от глашатая коммунизма состоит еще и в некоторой... неуверенности в себе. Это отражает неуверенность в себе правящего класса, который, утрачивая единство, всерьез задумывается о стратегическом видении будущего - куда идти дальше? - и о тактике на ближайшие годы, конкретно - как мы без Путина, или: нужен ли нам Путин как образ, как символ?

Эти размышления о будущем - публичные и потаенные - я бы и определил как «суркизм». Его задача - вписать Россию в современный мир, разъяснить, и притом от чистого сердца, что, несмотря на многие несовпадения, Россия - часть Европы. И даже шире - нормального мира. Залогом таких взглядов являются как минимум вменяемость и здоровый цинизм самого автора.

Суркизм несовместим с реконструкцией тоталитарной системы и идеологии. Он - за продолжение реформ, за модернизацию общества. И он - за демократию, хотя и особую. Он отражает запоздалый транзит, бесконечную переходность, результатов которой так опасаются властные бюрократы.

Он - идеология той части правящей «элиты», которая не погнала бы против Каспарова и компании провинциальный ОМОН. Суркистам мордобой ни к чему.

Этой публике нужен свой обаятельный интеллигент, скорее молодой, чем убеленный сединами, символ «суверенного либерализма» или мягкого авторитаризма.

Но суркизм неустойчив, зыбок, и его все время затягивает в «сурковщину»...

СУРКОВЩИНА

...которая, увы, представлена в трудах нашего идеолога более рельефно и впечатляюще. Эта тенденция есть своего рода неофундаментализм, который апеллирует не к советской идеологии, но через ее голову обращается к российской политической традиции в версии модного ныне Ильина. Что «посильнее, чем «Фауст» Гете». «Стереотипы современной политики, - уверяет Сурков, - воспроизводятся с уникальной матрицы национального образа жизни, характера, мировоззрения». Приехали...

Сурковский неофундаментализм красив, доступен для понимания низов и удобен, ибо всеоправдывающ, для верхов. Общество проплаты-

64

вает, не прожевывая, «самобытность», а верхи наслаждаются и гордятся исконной, отвечающей национальной традиции вертикалью власти. Такая идеология полностью отвечает чаяниям наевшихся, расслабившихся на нефтегазовой лежанке хозяев: «кушать подано!».

Отсюда - возврат в исконную политкультуру, к царю-президенту, светочу из-за кремлевской стены, к гиперцентрализованности. Сурковщина - апология самодостаточности, черпаемой чуть ли не из Средних веков.

Она же - оправдание попятного движения, отказа от использования чужого опыта. Этого опыта до смерти боится правящий класс. Хотя бы потому, что на том, «нерусском», богопротивном Западе есть мерзкая традиция смены власти, отвратительная привычка спрашивать у тех, кто при ней кормится, «а чем вы, други, собственно, занимаетесь?», «а откуда у вас это, а откуда то?».

Без чуждого русскому духу закордонного опыта ответственности перед населением всегда можно просто рявкнуть: откуда? - от верблюда! не ваше это православное дело совать свой нос в освященную вековой традицией вертикаль власти! А на особо любопытных - наслать стрельцов.

В отличие от рефлексующего суркизма, сурковщина по-хозяйски тарачится из-за трона. Она уверена в своей правоте, даже когда понимает, что выглядит глуповато. Невнятная и забавная суверенная демократия чем-то напоминает сусловский «реальный социализм». Помните, было такое хитроумное понятие?

Настоящее сурковщины - идеологии сугубо охранительной - безоблачно, зато будущее непредсказуемо. Причем точно по той же причине, по которой сомнительно и будущее суркизма. И совсем не потому, о чем подумал сейчас наш искушенный читатель, - дескать, обе вредны и опасны для страны. Причина куда прозаичнее.

ГРЯДЕТ ЛИ ОХОТА НА СУРКОВ?

Полуоднофамилец нашего президента Григорий Распутин однажды изрек: «Меня убьют, и России конец». Исчез Распутин, и ведь действительно исчезла та Россия. Созвучные думы сейчас на уме у многих «сподвижников» Путина. Его уход из политики многими находящимися во власти душами напрямую отождествляется с их личной катастрофой. Не отсюда ли девиз «Единой России» - без Путина, как при Путине! - или вскрик знатного политолога, что Путин все равно останется пусть и не формальным, но вождем, что он, так сказать, «живее всех живых»? И чуется здесь великий страх - а ну как после попрут? Попрут и спасибо не скажут?

После ухода Путина может начаться ускоренная фрагментация элиты, попросту говоря, грызня. Как после Ленина, Сталина, Хрущева, даже забытого Черненко.

65

Победителем в схватке за наследство может оказаться тот, кому сурковские философизмы станут не с руки.

В случае окончательного триумфа вертикали она уже не будет нуждаться в объяснении и оправдании своего бытия. Будет вменено в обязанность принимать ее как данность, как закон Ома, как ленинизм. Будут полностью заглушены голоса сурковских оппонентов. А сам он, как и всякий думающий субъект, окажется не просто неуютен, но даже опасен для серого железобетонного «позвоночника».

Вернется время Сулова, не советского, правда, но государственно-монополистического. Тогда может статься, что

...пойдет охота на сурков,

Пойдет охота,

На серых хищников, матерых и щенков...

И мы, смахнув слезу печали, помянем Суркова, не самого глупого человека посреди нынешнего истеблишмента.

P.S. Последняя строка куплета:

...кровь на снегу и пятна красные флажков.

Красные флажки легко меняются на триколоры.

66

ДМИТРИЙ ОРЛОВ. НОВЫЙ РУССКИЙ ВЕК И СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

«КОНЕЦ ИСТОРИИ», ПРОВОЗГЛАШЕННЫЙ В СВОЕ ВРЕМЯ ФРЭНСИСОМ ФУКУЯМОЙ, ОТМЕНЯЕТСЯ

Неоконсервативный «конец истории» в прошлом. На смену ему пришло многообразие национальных культур. Новым центром силы, транслирующим собственные образы и смыслы, глобализация дает новые возможности. Россия - один из главных таких центров. В этом оказались едины Фукуяма и Сурков.

Фрэнсис Фукуяма заговорил о суверенной демократии. И как заговорил! Первый неоконсерватор, автор «Конца истории и последнего человека», провозгласивший на заре 90-х наступление эры торжества либерализма, сегодня манифестирует: «Каждая страна будет вынуждена найти свою собственную дорогу в современном мире... Модернизация и развитие в конечном счете определяются людьми, которые живут в данном обществе, а не чужаками». Говоря же собственно о термине «суверенная демократия», Фукуяма заявил: «Позитивный смысл, который в нем содержится, состоит в том, что Россия будет искать свой собственный путь к демократическим изменениям».

Как иронически заметили наблюдатели, многое из того, что сказал Фукуяма в Петербурге и Москве, вполне мог бы заявить и Владислав Сурков. И тут же, вполне всерьез, предположили, что в новом инструментарии политического анализа и долгосрочного прогнозирования,

67

который конструирует Фукуяма, российская суверенная демократия имеет все шансы занять достойное место. Лекция Суркова «Русская политическая культура. Взгляд из утопии» и «русский бенефис» Фукуямы действительно близки как минимум в одном: рассуждениям об общечеловеческих ценностях приходит на смену анализ национальных культурных факторов, которые будут играть определяющую роль в развитии суверенных государств.

СВОЙ ПУТЬ И СИЛА КУЛЬТУР

Почему Фукуяма это сказал? Дело здесь не только в том, что «конец истории» («достижение конечной точки в идеологической эволюции человеческого рода и признание ценностей западной либеральной демократии как окончательной формы управления обществом») не состоялся, а неоконсервативный проект, одним из авторов которого был Фукуяма, оказался не только политически неэффективным, но и морально ущербным. Просто несостоявшийся «конец истории» стал на самом деле началом времен. И новый русский век имеет никак не меньшее право на существование, чем новый американский.

Когда-то на смену несколько одноцветному европейскому Средневековью - которое, между прочим, тоже ассоциировали с концом истории и даже концом света - пришло буйство красок Нового времени. Сегодня нечто подобное происходит на наших глазах.

Разнообразие, «цветущая сложность» национальных культур и разнонаправленность национальных интересов слишком очевидны. Новая Россия, новый Китай, новая Германия, новый мусульманский мир, новая Италия, новая Латинская Америка, даже новые Польша и Балтия - все это совсем не похоже на послевоенный мир-схему, почти без проблем сводившийся к формулам «социализм», «империализм», «неоколониализм», «два лагеря», «движение неприсоединения» и «третья корзина».

Заочно полемизируя с Бжезинским, Фукуяма предлагает новое прочтение феномена глобализации: «Не будет одного выигравшего эту шахматную партию... это только возможность для новых центров силы». Несмотря на глобализацию (а точнее, благодаря ей), единое политико-культурное пространство-время распалось, и на смену ему пришли параллельные времена-культуры, текущие и развивающиеся одновременно, но с разной скоростью. Кто быстрее? Сила, в том числе сила национальной культуры, сила идеологий, образов и смыслов, транслируемых нацией, - вот что приходит на смену аморфным общечеловеческим ценностям. Кто не создает и не транслирует собственных образов и смыслов, обречен их ретранслировать. Молодой российский суверен-демократический проект основан на понимании этого. Фукуяма пришел к этому после десятилетий служения неокон-

68

серватизму - господствующей в США идеологии и политической доктрине.

ОТ ТРАГЕДИИ К ФАРСУ

Разрыв Фукуямы с неоконсерватизмом произошел весной прошлого года, когда была опубликована его книга

«Неоконсерваторы: Америка на распутье».

Неоконсервативная доктрина была противоречивой с самого начала. Молодые неоконсерваторы пытались разрешить противоречия с помощью концепции «благжелательной гегемонии» (benevolent hegemony): Америка одновременно разрешает мировые проблемы (исходя из собственных интересов, конечно) и защищает свободу и права человека на основе «общечеловеческих ценностей». Так неоконсерватизм практически слился с американским национализмом. И это имело для него трагические последствия. Но значительно большие последствия это имело для морального авторитета Соединенных Штатов в мире - ведь Джордж Буш, Дик Чейни, Дональд Рамсфелд и Кондолиза Райс руководствовались в проведении практического внешнеполитического курса именно неоконсервативной доктриной.

Под влиянием неоконсервативной правящей элиты Америки вышла за «флажки» естественных геополитических ограничителей, и страна получила несколько серьезных проблем: рост влияния Германии, Китая и России, ослабление позиций в Персидском заливе и на Ближнем Востоке, а также Ирак, Иран, Сирию, Афганистан, Венесуэлу.

Фукуяма дал жесткую отповедь своим прежним соратникам: «позиция современных неоконсерваторов... на самом деле ленинистская: они уверены, что правильной комбинацией силы и воли историю можно подтолкнуть. Ленинизм был трагедией в своей большевистской версии в России, он обернулся фарсом в сегодняшних Соединенных Штатах».

РАМКИ ДЛЯ КОНСЕНСУСА

Сегодня Фукуяма убежден: «культурные факторы стали призмой, через которую мы видим сегодня международные отношения... было бы очень недемократичным, если бы глобализация заставила всех создать культурное единообразие. У Европы, Соединенных Штатов, Японии, России, Казахстана будут свои особые пути развития». И каждая страна должна развивать «собственные институты, которые подошли бы ее собственной географии, ее историческому опыту». А универсальный критерий хорошего управления - не заимствование импортированных образцов, а «работа на тех, кем вы управляете, ради их блага».

69

Как заявил в последнем Послании Федеральному собранию президент Владимир Путин, «общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытной культуре и ценности...» Заочно отвергая обвинения в изоляционизме, Путин постулирует: «культурная и духовная самобытность еще никому не мешала строить открытую миру страну». А вот «отсутствие собственной культурной ориентации, слепое следование зарубежным штампам неизбежно ведут к потере нацией своего лица».

Замглавы кремлевской администрации Владислав Сурков приводит определение Ивана Ильина: «Русская культура есть созерцание целого». В ней «синтез преобладает над анализом, идеализм над прагматизмом, образность над логикой, интуиция над рассудком, общее над частным». Русский мир востребует, взыскует идеальную цель, испытывает потребность жить «своим умом». Именно поэтому российские демократические институты - национальные, особые, свои. Отличные от иностранных - американских, британских, немецких, французских, японских, итальянских. Которые, впрочем, отличаются друг от друга не меньше, чем от российских.

Как и во всем мире, наша демократия постоянно развивается. Стремление однажды и навсегда «построить демократию» предполагает, по Суркову, «какую-то конечность: вот теперь у нас демократия... можно всем расслабиться и получать удовольствие». Как же совместить - «рай здесь и сейчас» с многолетним устойчивым развитием, открытостью с самобытностью, модернизацию с Традицией? Возможно ли «прагматично следовать идеалистическим целям»?

Ответ на эти вопросы, по мнению Суркова, дает концепция суверенной демократии, которая «наилучшим образом соответствует основам русской политической культуры». Ведь она оправдывает централизацию во имя сохранения нации. Она делает «совместимыми и достижимыми без разделения» свободу и справедливость, права и обязанности, конкуренцию и кооперацию, индивидуальное и национальное, глобализацию и суверенитет. Она сохраняет целостность страны и придает ей большой динамизм. Она персонифицирована, ибо «интерпретирует курс президента Путина». Она, наконец, вполне идеалистическая по содержанию (но отнюдь не утопическая, здесь с Сурковым можно поспорить).

Кроме того, суверенная демократия постулирует открытость России миру и призвана решить задачу достижения национальной конкурентоспособности в условиях глобализации.

Поэтому суверенная демократия активно востребована в практической политике. В декабре 2006-го «Единая Россия» сделала ее содержательной основой своей программы, а председатель партии Борис Грызлов недавно назвал «дальнейшее развитие России как суверенного государства» одной из главных составных частей «плана Путина».

70

* * *

«Мне лично термин нравится», - говорит первый вице-премьер Сергей Иванов. По его мнению, «государства, где народ сам определяет свою судьбу, можно посчитать на пальцах». Председатель Конституционного суда Валерий Зорькин вносит в доктрину суверенной демократии правовой аспект: «Юридически по нашей Конституции нет ничего, кроме того, что Россия есть демократическое и суверенное государство. Следовательно, демократия российская суверенная, а суверенитет демократический. Иное есть искажение Конституции».

В ходе прошлогодней дискуссии о суверенной демократии после прояснения позиций первый вице-премьер Дмитрий Медведев отметил, что у них с Владиславом Сурковым нет разногласий. Недавно он заявил: «Важный реальный политический режим. Демократия - элемент политического режима. Демократия возможна в условиях государственного суверенитета, а он эффективен только в условиях демократии». Таким образом, за два года вокруг содержательной основы суверенной демократии постепенно сложился консенсус элит.

Суверенную демократию можно назвать операционной системой российской политики, все акторы которой

действуют в логике, заданной определенным образным, смысловым и ценностным каркасом. Эта операционная система базируется на «матрице» - национальном характере, русской истории, традициях развития национальных государственных и общественных институтов.

Сегодня в логике суверенной демократии работают основные политические институты в России. И это вынуждены учитывать все серьезные мировые игроки.

71

НИКИТА БЕЛЫХ. ИДЕОЛОГИЯ СУВЕРЕННОЙ БЮРОКРАТИИ

«КТО, УПУСТИВ ИЗ ВИДА ЦЕЛЬ, УДВАИВАЕТ УСИЛИЯ?»

Владислав Сурков, заместитель руководителя администрации президента Владимира Путина, отвечающий за политический процесс внутри России, предъявил обществу... тут стоит хорошо подумать, как же можно охарактеризовать выступление Владислава Юрьевича в Российской Академии наук. Новая государственная идеология? Новая философия? А может быть, просто «ценные указания» главного начальника по государственной идеологии?

Что это было?

«ТЫ НЕ ПОЙ, ТЫ ПРОСТО ХОДИ!»

Сурков сам предупреждает, что это не научный доклад. Смеем предположить: если бы некто не под фамилией «Сурков», а под вполне обычной фамилией (за исключением вариантов «Иванов» и «Медведев») выступил с таким докладом, он был бы воспринят академическим сообществом гораздо прохладнее. Этот текст, произнесенный каким-нибудь малоизвестным или даже относительно известным философом, был бы скорее всего просто не замечен сообществом российских интеллектуалов. Почему? Владислав Сурков сам ответил на вопрос: его «рассказ» не имеет и научной ценности.

72

Может быть, содержание спича Владислава Суркова интересно как новая мощная идеология, способная спровоцировать пассионарный взрыв русской нации и государственности?

Предположим, что ровно с такими же размышлениями выступил бы, например, формальный лидер «Единой России» Борис Грызлов (если моральным лидером его соратники открыто называют Путина, то какой же тогда лидер Грызлов?). Или, скажем, его коллега «сверху», не менее формальный лидер «Справедливой России» Сергей Миронов (спросите у него, кто моральный лидер эсэров, уверен, что ответ будет точно такой же). В обоих случаях, хоть и в существенно разной степени, этот доклад вызвал бы серьезную критику со стороны ученых, публицистов, журналистов и политиков из оппонировавших партий. И уж точно не воспринимался бы с тем же пафосом и местами даже благоговением, с каким воспринимается сказанное Владиславом Сурковым. Изложенные в его докладе идеи сами по себе вряд ли кого-то объединяют и на что-то вдохновляют.

Вывод: текст носит даже не вполне идеологический характер.

Какой же характер он носит? И как его в связи с этим воспринимать?

Внимательно изучив «рассказ» Суркова, можно сделать вывод: в нем не только, да и, честно говоря, не столько, содержатся идеи главного идеолога страны, сколько формулируются принципы, на которые опирается верховная власть, а если говорить прямо, то эти принципы «спускаются» обществу сверху. Именно «ореол власти», присущий автору, делает этот текст ценным (или даже «бесценным»), интересным и заслуживающим внимания и подробного обсуждения.

О намерениях власти в отношении страны государственные идеологи открыто заявляют, пожалуй, впервые со времен архитектора перестройки Александра Николаевича Яковлева. Спасибо, конечно, и на этом. Хорошо, что общество хотя бы решило ставить в известность о том, какое будущее ему уготовано. И все же - это не диалог. Это не предложение основ новой философской концепции для рассмотрения обществом (а вдруг бы оно такую идеологию отвергло?). Это декларация о кремлевских намерениях и попытка эти намерения обосновать хоть какими-то историческими иллюстрациями. А в ситуации, когда власть монопольна, когда реальный ее источник - сама верховная власть, любая ее декларация о намерениях - это фактически прямые указания, руководство по единственно верной идеологии. И отсюда - отсутствие серьезной критики, пиетет и безальтернативность.

Кстати, в связи с монопольным характером этого «идеолого-управленческого» доклада меня лично очень радует, что его автор не претендует на научную обоснованность и доказанность своих постулатов. Иначе дело было бы совсем плохо: наука, обслуживающая государст-

73

венную идеологию, дурно пахнет. А идеология, претендующая на научную «доказанность», пахнет еще хуже.

ЧТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ЭТО БЫЛО?

- Как же делают пушки?

- О, мадемуазель, очень просто: берется дырка и обливается медью.

Владислав Сурков говорит, что мир очень разный и Россия по духу отличается от Запада, на чем и строится идеология обособленности российской цивилизации. Он полагает, что существуют некие «архетипические» черты «национального образа жизни, характера, мировоззрения», которые и формируют уникальную политическую культуру. Все, что соответствует этим архетипам, - естественно для России. Все, что не соответствует, - не приживется в России никогда. Вопрос в том, что, собственно, является русской политической культурой? Где «матричные», «архетипические», «предопределенные» черты российской цивилизации, а где просто архаика, которая еще не трансформирована в современность?

Вопрос, однозначно решенный Владиславом Сурковым, является одним из самых старых и сложных вопросов всей русской общественной мысли: Россия - это особая страна или она просто в чем-то важном отстает от развитых демократических стран? Отсюда другой вопрос: что надо строить (или ДОСТРАИВАТЬ) в любом случае, ибо это универсально, - например, парламент, разделение властей, свобода слова, а что можно сделать и «по-своему», так сказать, «а-ля рюс», например подчинить всех президенту - и парламент, и партии, и суды, и

массмедиа...

Несомненно, европейский демократический порядок жизнеспособен в той мере, в какой он является для России естественным, национальным. Именно поэтому «Союз правых сил» так много внимания уделяет освоению именно национальной либеральной традиции. Один из самых ярких ее представителей, Владимир Вейдле, в начале прошлого века работавший в Пермском университете, писал, что Россия раскрывает свою самобытность только в европейском контексте. Европа - это симфония инструментов, и у каждого - свое, самобытное звучание. Но вне европейского оркестра Россия свое самобытное звучание потеряет.

Характерно, что Владислав Сурков, перечисляя возможные архитектурные «стили» российской государственности, даже не упоминает о стиле либеральном и демократическом. Повторяя излюбленный тезис всех консерваторов-охранителей, он называет всех, кому не по душе стиль имперский, либо мещанами, либо футуристами. А вот о мощнейшем либеральном, но при этом чисто национальном, российском

74

стиле уважаемый идеолог даже не вспоминает. Скорее, конечно, сознательно, чем по неведению.

РАЗНАЯ РОССИЯ

Тем не менее я считаю, что имеет смысл говорить не просто о национальной либеральной традиции, но и о региональных либеральных традициях, ибо не только мир разный, но и Россия очень разная. И российская политическая культура и политическая традиция - чрезвычайно разные как в исторической перспективе, так и географически. Много мы найдем общего в политической культуре Дагестана и Вологодской губернии? В Ярославле жили и работали свои либералы - Дмитрий Шаховской и Сергей Урусов, в Красноярске - Василий Караулов и Степан Востротин, в Орле - Сергей Муромцев и Михаил Стахович, в Томске - Петр и Алексей Макушины, в Перми - Михаил Осоргин и Владимир Вейдле. Носителей собственно российской национальной либеральной традиции, вполне сопоставимых с теми, на чей авторитет опирается Владислав Сурков, в регионах за пределами Москвы - огромное количество. И все они - не какие-нибудь «городские сумасшедшие», а примеры вполне успешных региональных «стилей» - не имперских и не мещанских, а либеральных. Только большинство из этих людей задавили, некоторых убили и почти всех незаслуженно забыли. Но это - поражение не только либеральной, но и всей российской политической традиции.

Впрочем, я не склонен считать, что Владислав Сурков не знаком с либеральной политической традицией России, например, с Борисом Чичериным. Прав Георгий Бовт: вроде бы Чичерин - крупнейший и классический либерал-государственник, но даже о нем Сурков умалчивает. Просто Чичерин сейчас для Суркова не удобен. Он не помогает выстроить централизованную, жестко управляемую систему власти. А Иван Ильин - помогает. Только тогда надо честно рассказать, что Ильин открыто декларировал неприязнь к «парламентской демократии» (а без парламента демократию представить, согласитесь, сложно -или, может быть, Владислав Юрьевич считает иначе?). Надо честно рассказать, что Ильин некоторое время прославлял Гитлера. Конечно, не за холокост и войну, а за сверхцентрализованное, сверхсильное, сверхуправляемое, сверхнациональное и сверхперсонифицированное государство. Только надо понимать, что построение именно такого государства чревато холокостом и войной.

Тем не менее на основе философского наследия Ивана Ильина, подкрепленного авторитетом Николая Бердяева и даже Иосифа Бродского, Владислав Сурков делает предположение о свойственном русскому мышлению и мировоззрению преобладании синтетического над аналитическим. А дальше он произносит блестящую фразу. Вдумайтесь: «Воспользуемся этим предположением как аксиомой». Вот в этом

75

и заключается «неустранимый архетип» русской архаической власти: они всегда собственные предположения, иллюзии и страхи объявляют аксиомами. И строят на них идеологемы. В данном случае Владислав Сурков на наших глазах вывел «аксиому» о холистичности в основе русской культуры, в том числе и политической. Отсюда - страсть русского народа к централизации власти.

СВЕРХЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ - ЭТО НАШЕ ПРОШЛОЕ

В нашей политической истории были и периоды сверхцентрализации, вплоть до деспотии, были и времена полной децентрализации и регионального самоуправления, в том числе и представительного. Вряд ли исторически правильно давать однозначные оценки этим полюсам как «хорошее» и «плохое» время для России. Все слишком неоднозначно: древнерусская культура достигла своего расцвета в период раздробленности, но одновременно Русь оказалась неспособной отразить внешнюю угрозу. Централизация власти в XIV-XV веках позволила восстановить суверенитет, но привела к деспотии и, как следствие, смуте и гражданской войне.

Налицо довольно непростое, динамичное сочетание двух тенденций в российской политической традиции. Мифологизация одной лишь центростремительной силы, а тем более возведение идеи централизации в разряд «аксиом» русского политического мировоззрения -слишком грубое упрощение и опасная ошибка. Тем более что это самое мировоззрение довольно быстро и самым коренным образом меняется. Давайте сравним «национальный образ жизни, характер, мировоззрение» советского человека эпохи застоя (70-х годов) и, скажем, последних 4-5 лет. Разница всего-то в 30 лет, а много ли мы найдем в советских людях и современных россиянах архетипического, неизменного, «исконно русского»?

Владислав Сурков любит ссылаться на Бердяева. В книге «Душа России» Бердяев писал, что вечным архетипом русской культуры, в том числе политической, является двуединство в народной душе «нигилизма» (тотального отрицания) и «апокалиптики» (мечтательности, стремления к конечности). Оказывается, именно этот архетип «нигилизм-апокалиптика» господствовал в сознании французских простолудинов (санкюлотов) во время революции 1789 года. Однако с тех пор французы далеко ушли от этого состояния, оно оказалось не «неотъемлемым свойством французской политической культуры» (как говорили некоторые наблюдатели по «свежим следам» якобинства), а временным, преходящим явлением, которое можно и должно преодолеть в процессе гражданского становления нации.

Об использовании Владиславом Сурковым авторитета другого философа, Евгения Трубецкого, следует

сказать особо. Автор приводит

76

его слова: «Русским более свойственно познание тира религиозной интуицией как органического целого в отличие от Запада, где философы проникали в тайны мира, расчленяя его рассудком...». Только Сурков забыл упомянуть: для Трубецкого это свойство русского мировоззрения, как и вся русская «самобытность», было не поводом для национальной гордости, а проблемой.

Для СПС Евгений Трубецкой - тоже очень авторитетная фигура. Потому что в действительности он был последовательным либералом, о чем Владислав Сурков почему-то умалчивает. Более того, это поистине культовая фигура русского либерализма. Его главный тезис, который следовало бы процитировать в первую очередь: «Государство должно быть не опекуном, а миротворцем».

Русская политическая культура всегда формировалась и формируется несколькими политическими традициями. Владислав Сурков демонстрирует нам, что в соответствии со своим служебным положением явно предпочитает ту традицию, которая всегда позволяла нынешней власти удобнее управлять и самовоспроизводиться. Эту традицию можно назвать консервативно-охранительной. Ее носителями всегда были чиновники, преимущественно столичные, причем чем выше, тем больше. Поэтому я бы назвал современное воплощение этой традиции и пропагандируемую ее представителями философско-управленческую концепцию «идеологией суверенной бюрократии».

Эта традиция всегда страдала мифотворчеством, поскольку решала задачу обоснования проводимой политики. Ровно это нам и демонстрирует тот, кто отвечает за государственную идеологию и политический процесс в России, - всего лишь попытку обоснования строительства вертикали власти, попытку объяснить «русским национальным бессознательным» ликвидацию выборности губернаторов, рост административного аппарата, централизацию в межбюджетных отношениях, структуризацию политического поля и укрупнение партий «сверху». Теми же идеями должно обосновываться создание крупных государственных корпораций-монополистов. Более того, тем же «национальным бессознательным» фактически оправдывается культ личности первого лица государства.

Персонификация властных институтов, потребность в харизматическом лидере в сочетании с низкой эффективностью коллективов, дефицитом доверия и самоорганизации - вот на каких чертах Кремль «строит» нужный ему образ русской политической культуры. Если все это вместе перевести на более понятный русский язык, то получится: народ - это довольно глупое и не способное на разумные действия стадо, которому нужен сильный вожак. Такой «индивидуализм молчащих ягнят». Что это, если не философская основа авторитарной государственности?

77

Я воспитан на другой, свободной традиции, которая всегда доминировала тем больше, чем дальше от Москвы и от власти. Мое мировоззрение формировалось, когда я учился в Пермском университете, занимался бизнесом (в переводе на русский - «делом») и даже, страшно сказать, работал на госслужбе. Для меня и для либеральной, демократической, региональной политической традиции стоят другие задачи - не сохранение власти, а движение России вперед. Моя традиция основывается на иных «архетипических» чертах русского мировоззрения - полиментальности, прагматизме, внутренней противоречивости, но при этом толерантности, доверии к партнерам и к *народу*. *И я берусь* утверждать, что моя политическая традиция за пределами Садового, а может быть, за пределами Бульварного кольца окажется сильнее. Ее девизом я бы назвал тезис не москвича, а еще одного моего земляка Петра Струве: «Либерализм - это и есть истинный патриотизм».

78

БОРИС ГРЫЗЛОВ. ДВЕ ПАРТИИ В ОДНОЙ

ВОПРОСЫ ИДЕОЛОГИИ «ЕДИНОЙ РОССИИ»

Наша идеология опирается на очевидные факты, на здравый смысл: только сильное государство может зачитать своих граждан. В ином случае государству придется проводить внутреннюю и внешнюю политику в интересах других стран, а не своего народа. В 90-х годах Россия прошла через отказ от собственной политики, через односторонние уступки странам Запада, через безоглядное копирование чужого опыта. Ни к чему хорошему это не привело.

Мы - государственники, потому что не хотим, чтобы в нашей стране вновь повторился кризис. Мы убеждены, что сила государства - в единстве его граждан. Принцип «сильная Россия - единая Россия» не просто отражает название партии, это стержень нашей идеологии.

Те политические ценности, которые объединяют граждан страны, находятся не слева и не справа, а в центре политического спектра. Крайности, радикализм, классовая борьба не объединяют, а разъединяют. Поэтому мы - центристы, это осознанная политическая позиция и осознанная идеология.

Мы - консерваторы, потому что хотим, чтобы Россия сохранила себя в глобальном мире, сберегла собственные традиции, собственную культуру. Этого хотят граждане, и это может сделать только сильное государство.

Наряду с укреплением государственных институтов должны становиться сильнее партии, СМИ, все институты гражданского общества - чтобы общество могло контролировать бюрократический аппарат. Это и есть работоспособная демократия. Демократия должна работать, то есть партии должны не просто существовать, они должны быть способны контролировать бюрократию.

79

В 90-х годах у нас были «партии Садового кольца», «диванные партии». В регионах их никто не знал. Но они создавали видимость партийной жизни, хотя эта партийная жизнь была полностью оторвана от интересов большинства граждан.

В результате принятых нами законов партии стали сильнее, влиятельнее, расширили свое представительство в регионах. Выборы в Государственную Думу будут проходить по пропорциональной системе, в регионах по партспикам замещается минимум половина депутатских мандатов.

Похожая ситуация в прошлом десятилетии сложилась с общественными организациями, с институтами

гражданского общества. В 90-х годах они существовали, но не влияли на жизнь страны, на политику государства. Власть в 90-х годах самоустранилась от поддержки и диалога с общественными организациями, и место собственного государства заняли иностранные.

Сейчас создана Общественная палата, некоммерческие организации получили право на поддержку государства, поставлен заслон иностранному финансированию политической деятельности.

СМИ получили независимость в конце 80-х годов, но к середине 90-х годов ее утратили. У них попросту не оказалось денег на развитие, и они или разорились, или были раскуплены олигархами. СМИ стали игрушкой олигархов, и это была злая шутка над свободой слова.

Как только олигархи потеряли влияние на государственный аппарат, они уже не смогли брать на содержание руководство государственных СМИ или обеспечивать, чтобы задолженность их собственных СМИ не замечали. Так что состоявшаяся потеря контроля над СМИ - естественный процесс, произошедший сразу, как только государство вернуло себе дееспособность и бизнес оказался равноудален от власти. При этом вопрос ответственности СМИ перед обществом остается актуальным, но это в первую очередь вопрос не законов, а позиции журналистов, общественного климата.

Помимо контроля со стороны общества важно устройство самого государственного аппарата. На конституционном уровне - разделение властей, федерализм, местное самоуправление. А внутри ветвей власти, на ведомственном уровне - четкое разграничение функций.

Депутаты нынешнего созыва реализовали в законах разграничение полномочий между уровнями власти, обеспечили вступление в силу закона о местном самоуправлении. Хотя звучали предложения остановить муниципальную реформу, назначать мэров, парламентское большинство заявило свою позицию, и эти предложения не прошли.

На ведомственном уровне мы добивались исключения дублирования функций, усиления контроля. Недавнее решение - создание Следственного комитета Генпрокуратуры, чтобы одна и та же структура не занималась и следствием, и контролем за следствием. Созданы дополнительные гарантии защиты прав граждан.

80

И, разумеется, Государственная Дума в полном объеме использует свои полномочия по обеспечению отчетности исполнительной власти перед парламентом и гражданами. Не в целях пиара, а в целях контроля. Может быть, теряя в яркости и броскости речей, но зато выигрывая в качестве.

Никуда не уйти от факта, что суверенное государство сегодня довольно дорогая вещь, достаточно оценить уровень расходов на современную армию. Тот путь, по которому пошли некоторые, когда госаппарат прямо оплачивается из-за границы, не для России. Финансирование государства другими государствами - довольно унижающее, на мой взгляд, положение. Другая возможная угроза - когда низкооплачиваемые чиновники поступают на содержание олигархам или живут взятками. Для экономии существуют определенные пределы. Но независимо от объема расходов они должны быть прозрачными.

Тем важнее искать способы сокращения расходов на госаппарат. Не случайно «Единая Россия» сразу после победы на выборах занялась этим вопросом. Мы начали работу в Государственной Думе с сокращения управленческих расходов, добившись сокращения аппарата на 20%. К сожалению, если не считать МЧС, мало какие федеральные структуры исполнительной власти смогли достигнуть результата в аппаратных сокращениях. Мы выступаем за сокращение федеральных структур в регионах. Есть функции, которыми могут заниматься госслужащие субъекта Федерации, а Центр - ограничиться контролем. Нет смысла держать в регионах армию федеральных чиновников, которые порой приходят на рабочее место только за зарплатой.

Очень важно, что за последние годы мы сделали возможным проведение нормального разбирательства по коррупционным делам. То есть это уже не просто мелкие дела, когда за счет взятки в 100 руб. набиралась статистика непримиримой борьбы со злом, а случаи действительно серьезные, пресечение которых меняет ситуацию к лучшему. Раньше у виновных в таких крупных делах были все возможности уйти от ответственности. Сейчас таких возможностей меньше. Понятно, что судебные разбирательства делают более известными и сами факты коррупции. Однако если не выносить сор из избы...

Безусловно, правоохранительные органы имеют еще мало опыта в расследовании крупных коррупционных дел, мало опыта в сборе доказательной базы по таким делам. Но опыт нарабатывается.

Кроме того, идет становление общественного и партийного контроля. Наша партия как крупнейшая партия страны и партия парламентского большинства во главе этого процесса. Есть задачи в сфере общественного контроля, поставленные президентом на встрече с депутатами фракции. Они связаны с увеличением бюджетного финансирования нацпроектов, жилищной программы и в целом - с планированием развития.

81

Когда мы говорим о необходимости планирования развития страны, нам иногда стремятся возражать на том основании, что и коммунисты, левые выступают за планирование. Но ведь если кто-то говорит, что дважды два четыре, с ним нельзя не согласиться. У нас принципиально другой подход к планированию. Левые хотят планировать производство каждой гайки. Они планируют товарное производство без учета того, нужен ли этот товар экономике. Мы же планируем экономические процессы, планируем, как эффективнее построить бюджет.

Коммунисты обещали социализм для народа, а на деле получилось - народ для социализма. Такое планирование не учитывает интересы граждан. К сожалению, то же самое можно сказать о нынешних социалистах-утопистах. Один раз в нашей стране утопия уже погубила миллионы людей. Больше мы этого сделать не позволим ни левым, ни правым.

Противопоставляя другим идеологиям центризм, наша партия открыта для представителей всех регионов, всех слоев общества. Мы не ограничиваем свою работу какими-то отдельными группами общества, какими-то отдельными регионами. Всем найдется достойная работа в партии, каждый сможет внести свой вклад.

В нашей идеологии нет классовой борьбы. Мы выступаем за социальное партнерство, взаимодействию и с профсоюзами, и с организациями бизнеса. Есть примеры партий, которые стремились привлечь только бизнес, только жителей села, только жителей крупных городов, только жителей отдельных регионов. Некоторые едва не скатились в дискриминацию, причем до недавнего времени законодательство (дававшее простор мелким, игрушечным партиям) открывало дорогу именно для таких сил.

Есть страны, где партии создаются по национальному признаку, по конфессиональному признаку. Для нашей

страны этот путь не просто неприемлем, он опасен. Поэтому мы - и своей деятельностью, и законодательным путем - с ним боремся. На законодательном уровне это и запрет дискриминации, и требования к численности партии, и требования иметь представительства по всей стране. И переход на пропорциональную систему - с региональными группами в списке.

Мы построили свою партию не на расколе, а на объединении. «Единая Россия» изначально была и остается объединяющей партией на основе общих ценностей. Ни на правом, ни на левом фланге этого достичь не удалось. И если раньше слабый центр подталкивал общество к расколу, то сейчас политический центр способствовал тому, что страна вышла из кризиса и успешно развивается.

Сегодня часто употребляется понятие «путинское большинство» - граждане, поддерживающие курс президента. Мы добились того, что ядро путинского большинства видит в «Единой России» свою партию, способную обеспечить реализацию курса, предложенного национальным лидером, выполнить План Путина.

82

Среди законов, которые мы приняли, есть и те, которые считаются идеологически правыми, и те, которые считаются идеологически левыми. Наш критерий - не правизна или левизна. Наш критерий - укрепит ли закон государство, двинет ли он страну вперед в мировой конкуренции, улучшит ли он жизнь большинства. Мы опираемся на опыт России, на ее традиции, а не на отвлеченные, умозрительные концепции. Центризм и нормальность, здоровый консерватизм - не только идеология, но и стиль нашей работы.

Мы считаем нашу идеологию не просто наиболее подходящей к условиям России, но и наиболее реалистичной. Политика - это всегда согласование разных интересов, разных задач, поиск компромисса. Наша идеология - не просто набор принципов, она формировалась в практической работе. Мы - партия дела и считаем, что партийная идеология должна выражаться в реальных результатах работы.

Конечно, идеология требует и теоретической составляющей. Свой вклад внесли внутривнутрипартийные дискуссии, разработки наших экспертных структур. В идеологической работе партии находит свое отражение философское и политическое наследие отечественных мыслителей - Ивана Ильина, Дмитрия Лихачева, Никиты Моисеева, Льва Гумилева... Мы изучаем иностранный опыт, но опираемся прежде всего на исторический опыт России. В первую очередь для партии актуально изучить опыт переходных периодов, российских реформ. Особенно важны для нас такие периоды, как эпоха Александра II, время первых Государственных Дум. Идеология российской партии должна учитывать и причины успехов, и причины неудач отечественных реформ.

При этом мы не копируем практику какого-то прошлого периода или какой-то ранее существовавшей партии. Никакое прямое заимствование в данном случае, разумеется, не подходит. У тех преобразований были свои особенности, свои проблемы, свои условия. Сегодня особая ситуация. Это и экономическое влияние глобализации, и последствия распада СССР, и беспрецедентно высокий уровень террористической угрозы. Надо искать новый ответ на эти ранее не существовавшие вызовы. Мы можем найти его только сами.

Я говорил и раньше, что не только в нашей стране, но и во всем мире понятия «левый» и «правый» размыты. Если исходить строго из идеологии, можно ли себе представить «лево-правое» правительство? А в Германии оно сегодня именно такое, из представителей ХДС и СДПГ.

В мировой практике правые партии поддерживают село, левые поддерживают профсоюзы. Но мы поддерживаем и село, и профсоюзы - у «Единой России» есть классические характеристики и левой, и правой партии. Этот пример еще раз подтверждает, что мы стоим на прочных центристских позициях и не будем от них отказываться ради идеологических миражей.

83

Международный диалог мы поддерживаем с широким кругом партий и исходя из интересов страны. Это и Компартия Китая, и Республиканская партия США, и Партия регионов на Украине, и Демократическая партия Сербии... Но мы не поддерживаем партийный диалог с партиями фашистского, нацистского толка, с антироссийскими партиями. Например, теми партиями Эстонии, которые приняли решение о сносе памятника Солдату-освободителю в Таллине. Такие партии нельзя поощрять сотрудничеством.

Есть точка зрения, что в современном мире появилось еще одно измерение политического пространства, политический раскол на противников или сторонников глобализации. Однако глобализация - это во многом естественный процесс. Происходит развитие транспорта, систем связи - мир стал теснее. Страны становятся ближе друг к другу. Развивается единый мировой рынок. В этом смысле выступать против глобализации все равно что выступать против наступления лета (но не глобального потепления - как раз ратификация в нашем парламенте позволила ввести в действие Киотский протокол для всех стран-участников) или зимы. Но даже к зиме надо готовиться.

В 80-х и 90-х годах был обозначен определенный вариант развития - «Вашингтонский консенсус», при котором предполагались минимальная роль государства, широкая либерализация и приватизация. Государство должно было ограничиться лишь формированием сбалансированного бюджета и борьбой с инфляцией. Наши либералы тоже успели применить такой вариант. Вся надежда была на глобальный рынок, на его невидимую руку. И эта система потерпела массовый неуспех в Южной Америке, в Азии... И в России в 1998 году.

Одновременно мы видим примеры успешных вариантов модернизации: послевоенная Западная Европа, Япония, Китай. Эти страны сделали экономический скачок. То есть тот же курс на участие государства в экономике, который проводил в США Рузвельт, оказался более результативным, чем уход государства из экономики.

Успешной модернизации способствовала политическая стабильность. Причем во многих из них долгое время власть находилась (да и сейчас находится) в руках одной партии: ЛДП в Японии, голлисты во Франции. В глобальной экономике надо надеяться на свое государство, а не на невидимую руку рынка и не на другие страны. Вот главный урок для нашего общества.

Если говорить о политическом измерении глобализации, то здесь в начале 90-х годов тоже был период идеализма, как подтвердилось, совершенно необоснованного. Решение о приостановлении действия ДОВСЕ говорит о том, что сейчас Россия вынуждена практически в одиночку восстанавливать стратегическое равновесие. Нам приходится искать асимметричные ответы.

84

Мы отстаиваем мирное сосуществование различных государств, невмешательство во внутренние дела,

диалог между цивилизациями. Объективно интересы России совпадают с интересами большинства стран, большинства людей в мире. Россия открыто и честно говорит о положении в мире (один из недавних примеров - речь президента Путина в Мюнхене).

Некоторые же страны до сих пор пытаются убедить мир, что односторонняя военная экспансия не представляет никакой угрозы, а в Ираке идет нормальный демократический процесс. После таких заявлений может показаться, что у понятия «демократия» пропали всякие критерии.

На самом деле критерии есть, но при их употреблении не надо использовать двойные стандарты. Есть такие документы, как Декларация прав человека, они полностью отражены в нашей Конституции, в законодательстве и соблюдаются. Российская политическая система отвечает критериям демократии не в меньшей степени, чем другие демократические страны. Конечно, проблемы есть - но они есть во всех обществах, и путь России - это развитие демократии, а не ее свертывание.

У нас есть свои исторические традиции демократии. Достаточно вспомнить о деятельности первых Государственных Дум, о земском самоуправлении, о приоритетах в области социально-экономических прав, о том, что женщины в России получили права раньше, чем в большинстве государств...

Что касается оценки демократии в других странах - есть критерии, связанные с избирательными, гражданскими правами, с возможностями пользоваться родным языком. Это элементарные критерии демократии, но в некоторых странах Евросоюза они не соблюдаются. Если такие страны признаются демократическими, если называют строительством демократии ситуацию в Ираке, значит, есть проблемы с методикой оценки. Значит, за оценками стоят политические интересы. И к таким оценкам доверия быть не может.

Понятие суверенной демократии оказалось востребованным еще и потому, что изначально было противопоставлено доктрине экспорта демократии. Экспортный вариант демократии отбрасывает саму демократию назад, не оставляя за ней ничего, кроме ярлыка. Уже потому, что вопрос о власти в таких случаях решается не на выборах, а на улицах, не в интересах избирателей - граждан, а в интересах внешних сил.

Еще несколько лет назад Россия оказалась перед возможностью потери суверенитета и распада. Если бы не была проявлена политическая воля, то ни мнение большинства (как в случае референдума 1991 года), ни благоприятные внешнеэкономические условия угрозу бы не отвели. Для каждого, кто помнит и понимает то совсем недавнее время, очевидна основа идеологии «Единой России».

85

Обеспечить преемственность политического курса Владимира Путина - вот главная задача, которую будет решать «Единая Россия» на декабрьских выборах. Именно для этого нам необходимо большинство в Государственной Думе пятого созыва. В чем должна выражаться такая преемственность? В выполнении Плана Путина, то есть в достижении тех целей и реализации тех задач, которые поставил президент в Посланиях Федеральному собранию. Показательно, что у многих из них есть временные сроки, выходящие далеко за пределы 2008 года, и конкретные целевые показатели. Но самое главное: выполнение Плана Путина - гарантия будущего России как сильного государства. Именно это и только это отвечает нашей идеологии.

86

АНДРЕЙ БОГДАНОВ. ВРЕМЯ СДЕЛАТЬ ВЫБОР

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ДО СИХ ПОР НЕ РЕШИЛО, С КАКИМ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫМ ПРОЕКТОМ ЕМУ ПО ПУТИ

Дискуссий, подобной той, которая развернулась вокруг тезисов лекции Владислава Суркова «Русская политическая культура. Взгляд из утопии», не было очень давно. Единственное, что приходит на ум, - полемика вокруг прогремевшей в 1990 году знаменитой статьи Александра Солженицына «Как нам обустроить Россию».

Мне могут возразить, что сравнение это носит искусственный характер. Безусловно, сравнивать два этих текста нельзя: они написаны в разное время, да и статус у их авторов различен. Не будем забывать к тому же, что Александр Исаевич в то время еще находился в эмиграции. Условно говоря, «Как нам обустроить Россию» - это соображения «теоретика», в то время как автор текста о русской политической культуре, безусловно, практик, человек, само положение которого во властной иерархии исключает всякую случайность при выдвижении того или иного тезиса.

Различаются и эпохи. Если статья Солженицына была выпущена в свое время многомиллионным тиражом и действительно вызвала огромный интерес в обществе, то обсуждаемый сегодня «манифест власти» вряд ли известен и интересен кому-то за пределами узкого круга нынешней политической элиты и обслуживающего ее круга экспертов. Газет ныне никто не читает, в концепцию телеразвлекухи обсуждение столь серьезных вещей откровенно не вписывается, ну а парламент у нас, как известно, - «не место для политических дискуссий». А уж тем более - для философских.

87

Тем не менее рискну все-таки утверждать, что эти два текста все-таки в чем-то схожи.

БЕГ ПО КРУГУ

Дело, наверное, в том, что это, по сути, единственные два документа за последние пятнадцать-двадцать лет, хоть как-то подпадающие под определение «программных» (идеологических, установочных - называйте как хотите). Конечно, были еще довольно неуклюжие попытки создать «национальную идею», предпринимавшиеся в последние годы правления Бориса Ельцина, да они так и остались попытками, давшими лишь пищу для разного рода острот. Вроде той, что «национальная идея - это идея примирения нации с пребыванием Ельцина на посту президента».

Не собираюсь здесь обсуждать, представляет ли статья Владислава Суркова научную ценность или нет, - занятие это бессмысленное, да и не для того данный текст был им написан. Это - попытка объяснить и объяснить, куда и почему идет Россия, как нынешняя власть собирается ее обустроить. И уже за это автор заслуживает благодарности. По сути, сделана попытка сформулировать хоть какую-то концепцию развития нашей страны, причем на достаточно длительную перспективу. С ней можно спорить, соглашаться или же, наоборот, отвергать, но не отметить, что это громадный шаг вперед, нельзя, ибо это попросту несправедливо.

К огромному сожалению, развернувшаяся вокруг статьи полемика создает у человека, хотя бы немного знакомого с русским философским наследием, ощущение *deja vu*. Складывается полное впечатление, что на наших глазах снова сошлись в непримиримом споре западники и славянофилы. Ничего хорошего в этом нет, ибо означает это только одно - общественная мысль России так и не нашла выхода из ситуации, тупиковость которой была очевидна еще в девятнадцатом веке. Условно говоря, история в нашем случае не развивается по спирали, а больше напоминает бег по кругу... Мы вернулись к тому же, откуда ушли. А это, в свою очередь, означает, что мы изначально шли не туда.

УПРОЩЕНИЕ СЛОЖНОГО

Сразу оговорюсь - в мои планы не входит принимать ту или иную сторону в этом кажущемся бесконечным споре. Это не только бессмысленно, но и просто-напросто вредно, ибо означает, что мы принимаем навязанные нам правила игры, в то время как давно уже назрела необходимость выйти за пределы этого заколдованного круга. Можно сколь угодно долго заниматься «интеллектуальным пинг-понгом», отвечать на цитату из Ильина цитатой из Чичерина или Струве, отбивать сентенции

88

Трубецкого изречениями Бердяева - занятие это, безусловно, занимательное, но абсолютно в практическом плане бесполезное. Русское философское наследие столь обширно и многогранно, что найти в нем две цитаты с абсолютно противоположным взглядом на одну и ту же проблему не составляет никакого труда. Да даже у одного и того же автора порой взгляды менялись со временем настолько радикально, что сложно поверить, что это пишет один и тот же человек.

Спор, о котором мы ведем речь и который длится вот уже почти полтора века, ведется в основном вокруг проблемы взаимоотношений России и Европы. И в наше время эта проблема стоит не менее остро, чем в веке XIX. Снова в моде рассуждения о «кризисе Европы», о том, что она себя если не исчерпала совсем, то это вот-вот случится. И что нам, России, поэтому нужно держаться в стороне и терпеливо ждать, пока «загнивающий» Запад сгниет окончательно, и вот тогда-то мы наконец-то без помех сможем осуществить свою миссию, суть которой на самом-то деле непонятна даже тем, кто очень любит порассуждать об «особом русском пути», прикрывая свою неготовность серьезно обсуждать вопросы взаимоотношений европейской и русской цивилизаций обильным цитированием «классиков» русской философии. Короче говоря, мы опять пытаемся найти ответ на вопрос, сформулированный еще Николаем Бердяевым: «Есть ли исторический путь России тот же, что и Западной Европы, т.е. путь общечеловеческого прогресса и общечеловеческой цивилизации, и особенность России лишь в ее отсталости, или у России особый путь и ее цивилизация принадлежит к другому типу?»

Парадокс в том, что на вопрос «Европа ли Россия?» уже дан четкий и недвусмысленный ответ. Все тем же Владиславом Сурковым, 7 февраля 2006 года, выступая перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия», он сказал: «Никакого секрета не открою, если скажу, еще раз повторившись, что Россия - это европейская страна (здесь и далее выделено мной. - А.Б.). И какой бы особенной мы ее с вами ни считали, и какой бы странной ее ни считали те, кто смотрит на нее со стороны, все-таки, как и президент указывал в своих выступлениях, мы в целом проходим тот же путь, что и другие европейские страны». Сегодня же в его выступлении звучат другие акценты: «наши трудности с Западом - это трудности перевода, трудности общения однокоренных, но глубоко различных по духу европейских культур». Почему так сместились акценты? А потому что так проще.

Вообще мне кажется, что эти два слова - «так проще» - становятся основополагающим принципом современной российской политики. Проще объяснить людям, стремящимся жить «как в Европе» (то есть в первую очередь достойно!), что это невозможно, ибо мы «глубоко различны по духу». Проще разговаривать с соседями - «вам нас не понять, у нас особый путь». Кстати, соседям тоже «так проще»: не надо искать

89

компромиссы, вести переговоры, достаточно просто реанимировать «красную угрозу», переименовать ее, допустим, в «газовую» - и все сразу просто и понятно. И т.д., и т.п. Парадоксальным образом Владислав Сурков, заявляющий, что «демократия - политическая система, функционирующая на пределе сложности», в последние годы упорно и планомерно эту самую политическую систему предельно упрощает.

ТАК БЫЛО - ТАК БУДЕТ?

Нам всем очень недостает, на мой взгляд, критического восприятия нашего духовного и политического наследия. Невозможно игнорировать опыт развития нашей страны и мира в целом в XX веке, который, по большому счету, показал, что в основном наши «властители дум» ошибались в своих оценках. Нет абсолютно ничего зазорного, чтобы признать: возможно, мы никогда не найдем в нашем прошлом ответы на сегодняшние и завтрашние вопросы. Просто потому, что прошлое - это прошлое. А будущее - это будущее. Ровно то же самое относится и к тому, что Владислав Сурков называет «русской политической культурой». А от некоторых «фамильных черт» российской политики нужно отказываться, и чем скорее, тем лучше. Проще простого развести руками и сказать: «Ничего не поделаешь, мол, культура у нас такая...» Тогда уж и с коррупцией бороться нет никакого смысла, ибо мздоимство - неотъемлемая часть работы нашего государственного механизма на протяжении столетий. Ну и давайте тогда сошлемся на знаменитое карамзинское «воруют...» и закроем эту тему.

К большому сожалению, практика показывает, что за словами о «традиции» обычно кроется банальное стремление оправдать те или иные действия властей (а то и всю проводимую ими политику). Сложно говорить о «следовании традициям» в стране, основой строя которого долгое время была самодержавная монархия, если эта страна действительно хочет стать демократической. Владислав Сурков говорит о том, что в России «личность и есть институт». Да, так было. Так есть. Но я очень надеюсь, что так не будет. Потому что конфликт между «личностью-институтом» и просто «институтом» будет губителен для России. По сути, заявляя в своем докладе, что «текст о суверенной демократии персонифицирован, поскольку интерпретирует курс президента Путина», автор закладывает мину огромной разрушительной силы под сам институт президентства в России. Мы

сегодня наблюдаем, как Путин усилиями и «Единой России», и ее «справедливых» коллег становится синонимом понятия «президент», обесмысливая тем самым предстоящие президентские выборы и подрывая легитимность своего сменщика. По сути, в марте 2008 года нам предлагается выбрать не главу государства, а «местоблюстителя», призванного оберегать «царский» (то есть, конечно же, президентский, прошу прощения) трон для грядущего

90

триумфального возвращения «настоящего» президента, которому «какая-то Конституция» мешает править столько, сколько нужно. Потому-то так и оживились губернаторы, повалившие в последние месяцы в Кремль с прошениями о «помазании» на продолжение княжения во вверенных им территориях. Им не терпится получить ярлык именно из рук Путина, потому что это - охранный грамота. Кто ж посмеет снять главу региона, которого «сам Путин» назначил... В середине XIX века тогдашний министр иностранных дел Российской империи Карл Нессельроде писал своему будущему, выражаясь современным языком, «преемнику» князю А.М.Горчакову: «Мы знаем только одного царя: нам нет дела до России». Ох, как же много в современной России чиновников разного уровня, руководствующихся тем же принципом.

* * *

Слепое следование «традиции» никогда не избавит нас от состояния перманентного конфликта, в котором пребывает российский социум. На протяжении столетий у нас власть противостоит обществу, государство - народу, институты - гражданам, система - человеку. Именно состояние вечного конфликта и мешает Российскому государству сделать то, что оно должно было сделать уже давно. Сделать наконец Выбор. Да, мы особые, уникальные даже, быть может. Как уникален каждый населяющий нашу планету народ. Но мы никогда и ничего в этом мире не сможем сделать в одиночку. Поэтому-то нам и надо выбирать - с каким цивилизационным проектом нам по пути, с кем мы хотим сотрудничать. Сотрудничать, подчеркиваю, а не «сдаваться». Наша уникальность никуда не денется, наоборот, это поможет ей еще сильнее раскрыться.

91

ЕВГЕНИЙ ПРИМАКОВ. ЧЕМ СОЗДАЕТСЯ ДЕМОКРАТИЯ

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ОБ ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Полемика всегда полезна, в том числе идеологическая. Только казарменные порядки в обществе могут ее исключить, подменяя спущенными сверху решениями. Слава богу, для России такие порядки ушли в безвозвратное прошлое - в этом я уверен. Думаю, что хороший повод для полемики дает лекция Владислава Суркова, прочитанная им в здании президиума РАН. Во-первых, Сурков интересный исследователь, генерирующий ряд актуальных идей. Во-вторых, он автор многих партийно-политических построений в нашей стране. В-третьих, лекция, прочитанная в РАН, - это не митинговое выступление, а продуманная, четко заявленная концепция идеологии современного российского общества. Принимая все это во внимание, я позволю себе высказать некоторые соображения.

РОССИЙСКИЙ ТИП ДЕМОКРАТИИ

Демократия по-гречески - народовластие. Народ в той или иной форме всегда участвовал в общественном развитии, но в настоящее время это отнюдь не означает сращивание его с властью, с государством, как было, например, в Древних Афинах, где на общенародном собрании избирались должностные лица и принимались законы. В сегодняшнем понимании демократия - это определенное состояние общества, при котором власть (государство) осуществляет и гарантирует равенство всех граждан, главенство Закона, наделение всех членов обще-

92

ства политическими и социальными правами и свободами, подчинение меньшинства большинству. Это отражается не только в выборности основных органов государства и должностных лиц, но и их подконтрольности и подотчетности избирателям - не на бумаге, на деле.

Я привожу эти общие положения, так как ими должны характеризоваться различные типы демократии, начиная от парламентской, президентской, советской и кончая конституционной монархией. Должны, но не всегда и не в равной степени эти общие демократические принципы господствуют в жизни общества, в том числе, чего греха таить, и в нашей стране. Почему? Выводить ответ на этот вопрос из объективной данности - национальной специфики того или иного типа демократии, той или иной национальной культуры, национального менталитета, было бы ошибочно да и опасно. Так можно договориться до того, что тоталитаризм, автократия, авторитарная форма правления тоже рождаются из национальных особенностей.

Лучшая, я бы даже сказала, блестящая часть лекции Суркова - это раскрытие понятия русской, российской политической культуры, которая, несомненно, принимает непосредственное участие в создании нашего типа демократии. За пределами собственной культуры будущего у России нет - в этом мы полные единомышленники с автором. Однако было бы неправильно сказать, что только на этом фундаменте создается российский тип демократии - его главные отличительные черты и пропорции определяются «фундаментальными категориями и матричными структурами нашей истории, национального самосознания, культуры», а все другие факторы участвуют в строительстве, ограничиваясь лишь планировкой и отделкой. Отличительные черты? Да. Главные пропорции? Нет, не только.

Историческое понятие «культура» состоит из двух частей - духовной и материальной. Политическая культура относится к духовной части, но на нее оказывает непосредственное влияние материальная культура - техника, предметы потребления, одежда, все то, что в совокупности во многом определяет образ жизни. Между тем достижения материальной культуры связаны в значительно большей степени не с ее национальными особенностями, а с достижениями техники, технологии, организации производства, которые развиваются не в национальных рамках. Следовательно, национальные культуры, менталитет, национальные традиции нельзя рассматривать в статике, они меняются в связи с развитием общества. Сам Владислав Сурков справедливо ставит вопрос о необходимости «прагматично следовать идеологическим целям; учиться расчетливости и

соразмерности действий», иными словами, во многом совершенствовать черты русской или шире - российской политической культуры.

Нельзя недооценивать и объективные процессы, сближающие культуры, цивилизации. Разве не оказывают прямого и возрастающего

93

влияния на различные типы демократии, включая российскую, например, такие общемировые процессы, как межгосударственная интеграция, транснационализация предпринимательской деятельности?

Побудительным мотивом для Владислава Юрьевича сделать столь жесткий акцент на национальном элементе строящегося российского «демократического дома» стала, очевидно, недооценка этого, с одной стороны, теми, кто слишком увлечен прозападными настроениями, и, с другой стороны, представителями догматического, чисто классового подхода к характеристике общества. Как говорил Мао Цзэдун, «чтобы выпрямить, нужно перегнуть». Но перегибы сами порождают негативные последствия. Весьма характерно, что в полемике вокруг лекции Владислава Суркова возник парадоксальный вывод о том, что «сила национальной культуры, сила идеологий, образов и смыслов, трансформируемых нацией, - вот что приходит на смену аморфным общечеловеческим ценностям» (Дмитрий Орлов, «НГ» от 13.07.07). Слова «приходит на смену» выделены мной. Можно было бы акцентировать и эпитет «аморфный», относящийся к общечеловеческим ценностям. Их принижение и даже отсутствие - это мы уже проходили, когда просматривали все через «классовую призму». А теперь предлагается ее заменить на «национальную призму»?

О ПОНЯТИИ СУВЕРЕННОСТИ

Суверенитет выражает право нации на свободный и независимый политический, экономический и социальный курс при запрете на какое бы то ни было вмешательство извне. Суверенитет непосредственно проявляется в процессе осуществления государством его функции во внутренней и внешнеполитической деятельности. Надеюсь, что понимаю, почему Сурков назвал нашу демократию «суверенной». Таким образом он подчеркнул, что наша демократия осуществляется суверенным государством (собственно, и другие типы демократии тоже осуществляются суверенными государствами). Одновременно Сурков, несомненно, хотел подчеркнуть - и это абсолютно правильно - самостоятельный тип нашей демократии, невозможность навязывания нам других демократических моделей или правил, как это практикуется, особенно в последнее время, в отношении ряда стран.

Однако следует видеть и негативные моменты, связанные с термином «суверенная демократия». Тем более что, судя по лекции Владислава Суркова, он видит в этом словосочетании главную и синтезирующую характеристику основных черт российского типа демократии. Нельзя абстрагироваться от того, что термин «суверенная демократия» в России может использоваться теми, кто в нынешних условиях ведет необъявленную пропагандистскую войну с нами, как показатель справедливости своих упреков в отгороженности России от общепринятых демократических принципов.

94

Это политическая сторона вопроса. Что касается научной ценности термина «суверенная демократия», то она, как представляется, весьма сомнительна. Может ли существовать антипод суверенной - «несуверенная демократия»? Если да, то что это такое? Вместе с тем сама суверенность, даже будучи органично отнесенной к государственности, становится в настоящее время далеко не абсолютной. Ее относительность хотя бы в том, что в интеграционных объединениях государства делегируют часть своего суверенитета на наднациональный уровень. Относительность государственного суверенитета вытекает и из ряда положений Устава и практики Организации Объединенных Наций. Группа высокого уровня, созданная бывшим Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном, в которой мне довелось состоять, пришла к единодушному мнению о возможности (но обязательно при решении Совета Безопасности ООН) вмешательства во внутренние дела государства, если внутренняя ситуация в нем угрожает миру и стабильности в регионе или на глобальном уровне. Это положение, рассматриваемое как альтернатива американскому унитаризму, вытекает из главы VII Устава ООН.

И еще. Владислав Сурков соотносит российскую демократию с западной. В то же время существуют и другие типы демократии, например индийская или та модель государственного управления, которая действует в ряде государств с умеренными исламскими режимами. Демократия там, несомненно, тоже обладает целым рядом особенностей, значит, ее типы можно считать суверенными.

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНА ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ

Не обедняем ли мы суть нынешнего политического и социально-экономического курса нашей страны, выводя его из российской политической культуры? Возьмем такой многократно подчеркиваемый в лекции элемент «фундаментальной особенности» России, как «вертикаль власти». Требования ее построения появились не потому, что президент Владимир Путин получил вдохновение из истории России. Строительство вертикали власти стало необходимым в результате развития тенденции сепаратизма, своевластия ряда региональных руководителей (именно это, а не тяга к единству, кстати, характерно для средневековой России), особенно после бездумного ельцинского «берите столько суверенитета, сколько сможете переварить». Необходимость становления вертикали власти была связана и с решением современных для России социально-экономических задач.

При этом укрепление вертикали власти - это не только укрепление центростремительных тенденций в российском государстве. С моей точки зрения, это создает условие решения насущной проблемы наделения субъектов нашего федеративного государства более широкими экономическими правами. Экономическая децентрализация при со-

95

хранении и укреплении вертикали власти диктуется жизненными потребностями развития производительных сил на столь огромном географическом пространстве, как Россия. Кинули в Лету те времена, когда российский Дальний Восток, например, вел внешнюю торговлю, в том числе и приграничную, только через Москву и мог

привлечь иностранные инвестиции опять-таки лишь через Центр. Но передача больших экономических прав регионам ни в коей мере не должна ослаблять Центр Федерации, его политические и экономические функции. Без вертикали власти будут неизбежно возрастать центробежные силы в российском государстве.

Вертикаль власти выстроена у нас пока частично - от Центра к регионам. Лишь пунктиром обозначена такая вертикаль на участке регион - муниципальные образования. Прочертить эту линию необходимо, во всяком случае, в части, касающейся отношений между властями регионов и «столичных» в субъектах Российской Федерации городов. Другая нерешенная задача вертикали власти: как совместить централизацию межбюджетных отношений с ростом экономической самостоятельности субъектов российского федеративного государства.

Провозглашая идеологизацию целей политического курса, Владислав Сурков персонифицирует политические институты. Я в не меньшей степени, чем автор лекции, отдаю дань руководству страной Владимиром Путиным. Полагаю, что он - оптимальная фигура на посту президента России и по своему уже накопленному опыту, умению увидеть главное, широте охвата, спокойной решительности, непоказной демократичности, высокому патриотизму, наконец, уникальной поддержке населением. Оптимальна фигура Путина на посту президента современной России и потому, что он начал столь необходимый стране отход от псевдолиберализации 1990-х годов. Если еще многого не сделано или делается половинчато при проявлении субъективизма, то главная причина этого, как представляется, в том, что не прерван процесс сращивания чиновничества с бизнесом и не наведена жесткая дисциплина осуществления принятых решений. Так или иначе, но идеология государственной власти не может быть пристегнутой к одному человеку - руководителю страны, каким бы большим и способным ни был этот политический лидер.

96

ВЛАДИСЛАВ СУРКОВ	Заместитель главы администрации президента РФ
КОНСТАНТИН РЕМЧУКОВ	Владелец и главный редактор «Независимой газеты»
ГЕОРГИЙ БОВТ	Политолог
СЕРГЕЙ СТЕПАШИН	Председатель Счетной палаты РФ
МИХАИЛ БАРЦЕВСКИЙ	Председатель высшего совета партии «Гражданская сила», доктор юридических наук, профессор
АНАТОЛИЙ СТРЕЛЯНЫЙ	Публицист
ВЛАДИМИР ЖИРИНОВСКИЙ	Лидер Либерально-демократической партии России, вице-спикер Государственной Думы
АЛЕКСЕЙ МАЛАШЕНКО	Член научного совета Московского центра Карнеги
ДМИТРИЙ ОРЛОВ	Генеральный директор Агентства политических и экономических коммуникаций, кандидат исторических наук
НИКИТА БЕЛЫХ	Лидер партии «Союз правых сил»
БОРИС ГРЫЗЛОВ	Лидер партии «Единая Россия»
АНДРЕЙ БОГДАНОВ	Председатель центрального комитета Демократической партии России, кандидат политических наук
ЕВГЕНИЙ ПРИМАКОВ	Президент Торгово-промышленной палаты РФ, академик РАН

Электронная версия книги: [Янко Слава](mailto:Янко_Слава) (Библиотека Fort/Da) || slavaaa@yandex.ru || yanko_slava@yahoo.com || <http://yanko.lib.ru> || Icq# 75088656 || Библиотека: <http://yanko.lib.ru/gum.html> ||

Номера страниц - вверху

update 08.03.08
